

СОДЕРЖАНІЕ:

Г. А. Рачинскій—Церковь живаго Бога.

М. Струговъ—Градъ невидимый.

Андрей Бѣлый—Священная Россія.

Юсифъ Куницъ—Amores.

Д. Л. Теплицкій—Два лика.

А. К. Топорковъ—Славяно-греко латинская академія.

К. Бальмонтъ—Жребій.

Верхарнъ—Брюсовъ—Вечеръ.

Вяч. Ивановъ—Пещера. * * *

Юсифъ Куницъ—Старикъ. Къ ней фигуръ Земли. Rose. * * *

Д. Теплицкій—Крестъ въ бирюзѣ. Въ скиту.

Г. А. Крейнъ—Музыка для народа.

А. Таировъ—Исканія театра.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ—24 р. на полгода—14 р.
на 3 мѣс.—7 р.

Редакція и контора:

М. Чернышевскій домъ 9, кв. 8.
Тел. 3-49-16.

Отъ редакціи.

Теперь, когда война и, въ особенности, революція, поднявъ до послѣднихъ предѣловъ напряженіе общественно-политической жизни, привели къ дифференціаціи мысли и, можетъ быть, къ разложенію самаго организма Россіи, когда Россія, выбитая изъ прежняго положенія, разметана вихремъ международныхъ и внутреннихъ событій— потребность въ органѣ, который ставилъ бы своей задачей, поскольку возможно, выяснить и опредѣлить результаты этихъ событій, теоретически обобщить факты послѣдняго четырехлѣтія нашей жизни въ связи съ развитіемъ русской культуры ощущается ясно. Попытку созданія такого органа читатель найдетъ въ журналѣ „Россія“. И полагая, что намѣченная нами работа будетъ наиболѣе плодотворна, протекая внѣ непосредственной связи съ текущими съ политическими событіями мы привлекаемъ къ участию представителей различныхъ теченій русской мысли, стрѣмясь создать на страницахъ журнала „Россія“ обмѣнъ мнѣній по поставленнымъ нами вопросамъ, при чемъ для установленія единства содержанія мы составлемъ каждый номеръ на одну общую тему.

Не ограничиваясь, однако, только разработкой общихъ вопросовъ русской культуры мы будемъ стараться поставить возможно шире отдѣлы художественной литературы, а также отдѣлъ искусства въ которомъ, кромѣ общихъ статей теоретическаго характера читатель найдетъ и отклики на всѣ заслуживающія вниманія событія въ жизни нашей литературы и искусства.

Редакція.

Церковь живаго Бога.

Что религиозное сознаніе вообще и церковное въ частности пробудилось и ожило въ русскомъ обществѣ за послѣдній, многозначительный и трагическій годъ его жизни, что смутныя религиозныя исканія, которыми ярко отмѣчено было начало новаго столѣтія, какъ у насъ, такъ и на западѣ, принимаютъ все болѣе и болѣе конкретныя формы и захватываютъ все болѣе и болѣе широкіе общественные слои, въ этомъ кажется теперь никто уже изъ безпристрастныхъ наблюдателей не сомнѣвается, и противъ этого, независимо отъ той оцѣнки, которую получаютъ это явленіе съ разныхъ сторонъ, никто уже не пробуетъ спорить. И крылатое слово о параличѣ, въ которомъ пребываетъ русская церковь, теперь уже по справедливости къ ней не приложимо. А само религиозное возрожденіе, протекающее въ сердцахъ и въ мысляхъ отдѣльныхъ людей и находявшее свое выраженіе въ философскихъ трактатахъ, журнальныхъ статьяхъ, пре-

нїяхъ въ учебныхъ и религіозно-философскихъ обществахъ, замыкавшееся въ отдѣльные кружки и принимавшее то теософическое, то полусектантское, то узко-обрядовое, то апологетическое, миссіонерски-повѣдническое обличіе, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе втягивается въ чисто церковную сферу, и наиболѣе вдумчивые и свѣдѣльные предтвители его начинаютъ пристально всматриваться въ тотъ процессъ обновленія и строительства, который идетъ повсюду въ церковной жизни нашей родины. Всматриваются въ него и враги всякой религіи, съ плохо скрытымъ страхомъ и невольной жутью замѣчая, что въ общественную жизнь вступаютъ новая сила, которую они не приняли въ учетъ, новый факторъ, личность котораго гдѣ-то въ глубинахъ была имъ, конечно, известна, но на который они давно привыкли смотрѣть, какъ на *quantité negligible*. Тѣ-же, которымъ значительность религиознаго сознанія вообще была всегда ясна, хотя ихъ собственная мысль и дѣятельность и протекала въ другихъ областяхъ, вдали отъ главнаго русла этого духовнаго теченія, все чаще и чаще начинаютъ обращать свои взоры къ церкви, вызывать къ ея помощи, и открыто высказываютъ надежду, что разбушевавшееся зло «обломаетъ свои рога» о камни церковнаго строительства.

А въ строительствѣ этомъ начинаетъ принимать участіе весь народъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, безъ различія сословій, классовъ и партій. Наше интеллигентское общество мало знакомо съ тѣмъ, что происходитъ на всероссійскомъ церковномъ соборѣ, на епархіальныхъ съѣздахъ, на приходскихъ собраніяхъ и въ повсемѣстно возникающихъ совѣтахъ приходскихъ общинъ. А между тѣмъ здѣсь происходитъ нѣчто небывалое. Сходятся на общей работѣ и начинаютъ понимать другъ друга люди, никогда прежде не встрѣчавшіеся, образованіе, интересы, работа, политическіе и общественные взгляды которыхъ, казалось, не допускали и мысли о возможности найти общія слова и слиться въ общемъ чувствѣ. Мнѣ самому пришлось услышать отъ одного изъ епископовъ радостное изумленіе, по поводу того, что въ составѣ приходскихъ совѣтовъ города онъ встрѣчаетъ рядомъ съ домовладѣльцами, крупными и мелкими торговцами, подрядчиками, ремесленниками и рабочими имена, знакомыя ему по земской, и городской общественной работѣ, имена публицистовъ, сотрудниковъ журналовъ и газетъ, членовъ ученыхъ обществъ, профессоровъ, юристовъ, врачей и педагоговъ и притомъ людей, числящихся во всевозможныхъ партіяхъ и слывущихъ въ политической жизни за непримиримыхъ антагонистовъ и даже влѣйшихъ враговъ.

Здѣсь необходимо сдѣлать одно замѣчаніе и пойти на встрѣчу очень распространенному возраженію. Сплотъ и рядомъ приходится слышать, что религиозный подъемъ и даже чисто церковное настроеніе въ высшихъ кругахъ общества безспорно, но что народъ въ своихъ глубинахъ захваченъ безвѣріемъ и къ церкви относится холодно, если не прямо враждебно. Въ данномъ случаѣ ожесточенная политическая и въ своей послѣдней сущности грубо экономическая борьба, происходящая на нашихъ глазахъ, заслоняетъ отъ насъ болѣе внутренніе процессы народной души, а факты захватовъ церковной земли и насилія надъ отдѣльными представителями духовенства, вызванные случайными столкновеніями или старыми счетами и приходскими раздорами, ничего общаго съ вѣроисповѣднымъ вопросамъ не имѣющими, обобщаются, а главное перенесаются въ область религиозныхъ переживаній народа и разцѣпываются какъ показатели его отношенія къ вѣрѣ и церкви. Этимъ совершенно искажается перспектива и всему дѣлу придается невѣрное освѣщеніе. Дѣйствительные же факты возмущительнаго гоненія на церковь, разгромы монастырей и церквей, сопровождаемые дикими кощунствами, убійства и разстрѣлы священниковъ, монаховъ и даже митрополитовъ, совершаются бандами бѣспующихся политическихъ фалатиковъ и сопутствуютъ другимъ не-

менше потрясающимъ явленіямъ вспыхнувшей гражданской войны, вызывая въ широкихъ слояхъ народа сильнѣйшее возмущеніе и религіозный протестъ. Страданія исповѣдниковъ только поддерживаютъ церковь, и кровь мучениковъ и здѣсь, какъ и всегда, идетъ на пользу того дѣла, за которое она безвинно проливается.

Но какъ бы то ни было, церковная жизнь на Руси вступаетъ въ новый періодъ и самый этотъ фактъ возлагаетъ на всѣхъ, кому дорого дѣло религіознаго возрожденія русскаго народа, кто понимаетъ смыслъ и значеніе религіознаго фактора въ жизни общества и народовъ, и на первомъ мѣстѣ на такъ называемую интеллигенцію огромную отвѣтственность за будущее.

И прежде всего намъ слѣдуетъ осознать наше глаголющее и непростительное невѣжество во всемъ, касающемся какъ настоящаго, такъ и отдаленнаго прошлаго церкви. Исторія и теорія политическихъ учрежденій и въ особенности законы и условія экономической жизни народовъ тщательно изучаются и освѣщаются нами съ разныхъ сторонъ; результаты этого изученія болѣе или менѣе удачно популяризируются и служатъ предметомъ газетныхъ статей, брошюръ, споровъ и толковъ въ ученыхъ обществахъ, общественныхъ собраніяхъ и на митингахъ; а церковь, ея жизнь и своеобразіе, ни съ чѣмъ несравнимый характеръ ея историческаго развитія остаются въ тѣни, или обсуждаются съ политической, юридической или другой какой-либо внѣ ея сферы лежащей точки зрѣнія; и все это при политѣйшей неосвѣдомленности о томъ, что дѣйствительно въ ней происходило и сейчасъ происходитъ. Вотъ почему передъ нами сейчасъ встаетъ неотложная задача внимательнаго ознакомленія съ церковнымъ прошлымъ и выявленія ея снѣцифическаго характера тѣхъ нормъ, по которымъ слагалась и неизбежно должно слагаться въ будущемъ ея теперь уже многовѣковое строительство.

И прежде всего она—«церковь живаго Бога». Камни, слагающіе ея несокрушимое зданіе, суть живые люди, съ ихъ земными страданіями и духовными радостями, съ ихъ исканіемъ высшей правды и истинной свободы—«родъ ищущихъ Господа, ищущихъ лица Божіе». Вотъ почему жизнь церкви должна быть постояннымъ движеніемъ впередъ, непрестаннымъ углубленіемъ заложенныхъ въ нее началъ. Церковь по существу своему прогрессивна, какъ прогрессивно все живое. Но, какъ все живое, она и глубоко консервативна, тѣмъ консерватизмомъ, который данъ, какъ непремѣнное условіе устойчивости всякаго организма. Исповѣдуя себя тѣломъ Христовымъ, богочеловѣческимъ организмомъ, неумирающимъ въ вѣкахъ, имѣющимъ своей задачей «вырости въ мужъ совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова», она свято хранитъ всѣ положительныя достиженія, результатъ многовѣковой борьбы со стихіями міра сего, итогъ неустанной творческой работы ея великихъ подвижниковъ и учителей. Она вся мощное устремленіе впередъ и вся священное преданіе. Въ этомъ синтезѣ залогъ ея несокрушимости, ея цвѣтущей жизнениности среди паденія и гибели государствъ, народовъ и культуръ. Эти культуры, государства и народы живутъ и окармливаются ею, сама же она внѣ временныхъ, мірскихъ превратностей и судебъ. Отказаться отъ своей динамичности или отъ своей консервативности равно значило бы для нея обречь себя на смерть въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Ибо, какъ уже сказано, для всего живого, для всякаго организма отказъ отъ сохраненія всего достигнутаго въ путяхъ прошлаго развитія и отказъ отъ дальнѣйшаго развитія и прогресса равно знаменуютъ гибель.

Другой существенной чертой ея является ни съ чѣмъ не сравнимая своеобразность ея внѣшняго и внутренняго строя. Основанная на законѣ любви, являющаяся братскимъ союзомъ, она, въ соответствии съ этимъ, строитъ внѣшнія формы своего земнаго бытія на началахъ, въ корнѣ отличныхъ отъ знакомаго намъ политическаго, общественнаго и культурнаго стро-

ительства. Система правъ и обязанностей и вытекающія изъ нея юридическія нормы современной государственности не приложимы при оцѣнкѣ церковныхъ отношеній и того, что именуется церковнымъ законодательствомъ. Выраженіе—«церковное право» есть въ сущности *contradictio in adjecto*. Каноны соборовъ и правила св. отцовъ, наравнѣ со всѣмъ учительнымъ матеріаломъ святоотеческой литературы, не правовыя опредѣленія, а результаты религіознаго опыта, принятые вселенской церковью къ неуклопному руководству въ будущемъ, указанія на то, какъ слагалась въ отдѣльныхъ общинахъ и помѣстныхъ церквахъ прониженная Христовымъ духомъ благодатная жизнь вѣрующахъ. Сущность права не въ томъ, что оно осуществляется принудительно, а въ томъ, что оно носитъ формальный характеръ; въ церковныхъ же канонахъ и правилахъ мы всегда имѣемъ дѣло съ отдѣльными вопросами и случаями, выдвинутыми жизнью, и даваемое ими рѣшеніе является одновременно и практическимъ указаніемъ и духовной нормою для дальнѣйшаго творчества жизни. Поэтому церковь никогда не имѣла и не можетъ имѣть детально разработаннаго, законченнаго и замкнутаго свода законовъ, и многіе церковные каноны, носящіе характеръ домостроительства, въ теченіи вѣковъ, при измѣнившейся житейской обстановкѣ, безъ всякаго ихъ пересмотра и отмѣны теряли свою силу и переставали примѣняться на практикѣ; положенныя же въ ихъ основу духовныя нормы продолжали жить и дѣйствовать въ церковномъ укладѣ.

Наконецъ, послѣднее и самое главное, чего мы не должны забывать при разсмотрѣніи церковнаго устройства и обсужденіи возложенныхъ на церковь задачъ, это—трансцендентный, полусторонній канонъ исторической дѣйствительности характеръ ея цѣлей. Она—церковь «здѣшняго града не имѣющихъ и грядущаго възыскующихъ». Ея конечная надежда—«новое небо и новая земля, въ нихъ же правда живетъ». Спасеніе душъ, пріуготовленіе къ грядущей жизни, воспитаніе отдѣльныхъ людей и всего человечества въ духъ Христовой истины, призывъ къ покаянію и духовному возрожденію, созданіе новой твари,—вотъ ея основныя и конечныя заданія. Христіанская государственность, христіанская общественность, христіанская культура для нея не цѣли, а средства, относительную пригодность которыхъ она раздѣливаетъ сообразно своимъ духовнымъ предназначеніямъ. Считаюсь съ историческими условіями, съ временными потребностями и справедливыми запросами земнаго, преходящаго бытія, она въ своей сверхвременности не подчиняется имъ и не руководствуется ими. Внося свое благотворное влияние во всѣ области повседневнои жизни, она сама обращена лицомъ къ вѣчности; къ ней направляеть свои судьбы и въ ней имѣеть ея послѣдній судъ.

Когда-то религія была творчествомъ новыхъ цѣнностей, отказомъ, зачастую весьма трагическимъ, отъ всего стараго, дорогого, привычнаго, излюбленнаго—«кто любитъ отца своего или мать свою больше Меня, недостойнъ Меня»,—оставленіемъ мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ; теперь она для многихъ, о сколь многихъ людей!—лишь оплотъ и защита этого стараго, страстная и отчаянная борьба съ надвигающейся политической и общественной катастрофой и разваломъ, крикъ о спасеніи среди пожара. «Сотворю все новое»—вотъ девизъ истинной религіи съ ея жаждой творческаго чуда; мы же ждемъ чуда спасенія не въ творествѣ и выходѣ на новый духовный путь, а, подъ бурей, сметающей старый, дряхлый, разлагающійся міръ, невидимъ въ этомъ крушеніи перста Божія, карающаго насъ за грѣхи наши, и испуганно кричимъ: «гдѣ убо Богъ, Богъ Илинъ!»

Но Христосъ и Его церковь не спасутъ насъ, если мы не сотворимъ плодъ достойный покаянія, и сами не приложимъ рукъ своихъ къ дѣлу нашего спасенія.—Пророку въ видѣніи предстало поле, покрытое мертвыми костями. И открыто было ему, что эти кости—домъ Израилевъ. И было слово къ нему:

«Сынъ человеческій, оживуть ли эти кости? И отвѣчалъ пророкъ: «Господи Боже, ты знаешь это!» И обѣщано было костямъ воскресеніе.—Будущее русской церкви, а съ ней и всей русской землей въ нашихъ рукахъ; отъ насъ самихъ зависить воскреснуть ли кости мертвыя обществу нашей, и воздвигнется ли новый домъ Израилевъ—«церковь живаго Бога».

Г. А. Рачинскій.

Градъ Невидимый.

Женщина говоритъ Ему: господини! Тебѣ и почерпнуть нечѣмъ, а колодезь глубокъ: откуда же у тебя вода живая? Неужели ты больше отца нашего Іакова, который далъ намъ этотъ колодезь, и самъ изъ него пилъ, и дѣти его, и скотъ его? Иисусъ ска. залъ ей въ отвѣтъ: всякій пьющій воду сію возжадетъ опять.

Евангеліе отъ Іоанна

Есть нѣчто, болѣе страшное, чѣмъ самое безвыходно-грозное будущее: это прошлое. Но мы—дѣти прошлаго. Изъ прошлаго мы мыслимъ, чувствуемъ, дѣйствуемъ; каждымъ словомъ, каждымъ движеніемъ налагаемъ мы прошлое на будущее, каждымъ вопросомъ предопредѣляемъ отвѣтъ. Наша жизнь—безконечная осыпь прошлаго—куда? Въ грядущее? Нѣтъ. Ибо не знаемъ, не чувствуемъ мы подлиннаго, живого грядущаго—грядущаго, какъ изначальной динамики становленія, какъ кипящей творческой стихіи. Наше грядущее—это только «продолженіе» застывшаго, статическаго прошлаго, юонный стукъ часового маятника: тикъ-такъ, тикъ-такъ, какъ было—такъ будетъ. Это—вѣчное прошлое.

И прошлое, вокругъ насъ, глыбится, утверждается, возстаетъ тяжело и великолѣпно. Но то—каменное и неподвижное великолѣпіе «города мертвыхъ»: «культуры». Каждая, «культурная цѣнность»—могильная плита. По ихъ глубокимъ и безстрастнымъ эпитафиямъ учимся мы—жить; и оттого въ насъ, въ нашемъ знаніи—холодъ вѣчнаго прошлаго, холодъ смерти.

«Когда-то мы, мертвые, пробудимся?» негромко спросилъ Иисусъ и ушелъ—въ безуміе. Колодезь этотъ вопрошь бросилъ въ Китай, Голландію—въ Полинезію, Александра Добролюбова—на дѣлхія троны странничества. Зачѣмъ? Учиться познанию, учиться тишигѣ, учиться грядущему. И, гдѣ-то, отбрасывается карикатурно изломанная тѣнь этого устремленія—футуризмъ.

Это были перья, безгромныя молніи. Но мы не поняли ихъ; думали—это сонное облако играетъ зарницами. Но то была—гроза. И громомъ ударившая въ насъ стрѣла молніи возвѣстила, что надвинулось—грядущее. Тогда—слишкомъ поздно—обнажился фактъ, что мыслить грядущее въ формахъ прошлаго значить заранѣе отрѣзать отъ себя всякую возможность попятъ его. Но когда грядущее—обрушенная на насъ грозная туча, не понять его значить погибнуть. И въ эти миги—годы воскресаетъ для насъ призывъ того, чье ученіе—крикъ съ высотъ, изъ подъ этой грозной тучи,—призывъ Ницше. Воистину должны мы наши размышленія о грядущемъ превратить въ послѣдокъ съ прошлымъ, философствовать о «культурѣ»—молотомъ.

Подъ ровнымъ вырѣзомъ сѣвернаго неба синится тихая чаша лѣснаго озера—свѣтлояра. Нѣкогда, повѣствуетъ сказаніе, пала татарская сила на приозерный Китежъ—градъ, цю, молитвами Китежскихъ праведниковъ, покрыла десница Божія Китежъ: сталъ онъ невидимъ. Понынѣ стоитъ невидимый градъ надъ свѣтлоярмомъ, донынѣ перевозаиваются въ немъ свя-

тые колокола, и восходятъ ладанъ въ церквахъ, и молятся Богу Китежскіе праведники: молятся за землю русскую, за всѣхъ христіанъ православныхъ, за весь темный, грѣшный міръ. И изъ темнаго міра, со всѣхъ концовъ необъятно разбѣжавшихся просторовъ русскихъ, отъ сохи, отъ прилавка, отъ юроба, съ большой дороги несутъ простецы—богомольцы къ стѣнамъ невидимаго града неутоленную жажду поддержки, утѣшенія, прощенія—свыше; сходятся къ свѣтлояру въ умиленной надеждѣ—унести въ свою темную жизнь далекій разсвѣтлый звонъ Китежскихъ колоколовъ, золотое полѣханіе Китежскихъ,—куполовъ въ очищающихся отъ почного тумана струяхъ. Заточница въ темномъ мірѣ, ищетъ ихъ дѣтская вѣра крѣпкой, исконной, родовой, матерински теплой правды, чтобы принасть къ ней. Что такое Китежъ? Не отвѣтить на это никто изъ нихъ, да этого и не спросить, какъ не спрашивалъ въ раннемъ дѣтствѣ, что такое убаюкивающая его колыбельная пѣсня или питающій его кусокъ хлѣба,—и, какъ дѣтство, цѣльна и свята ихъ вѣра.

Въ полюсу «богоскательства» наша изнемогавшая въ пустотѣ своего разсудочнаго сознанія интеллигенція «открыла» Китежъ. «Фактъ» Китежа по гдѣ могла наша интеллигенція научиться «факту», конкретно-непредвзятому воспріятію дѣйствительности? Съ мѣста началось «осмысливаніе»—проще говоря, усвоеніе, приспособленіе, использование. Китежъ вдвинули во главу угла патологическаго зданія славянофильской догматики, Китежъ сталъ «культурной цѣнностью» (пусть самобытѣйшей культуры!). И передъ нами—могильная плита; на ней четко и безжизненно высѣчено «Сказаніе о Китежѣ»; насъ приглашаютъ занять мѣсто въ чередѣ богомольцевъ маститаго вида, ядущихъ своей очереди «приложиться».

Для нашихъ неославянофиловъ Китежъ—издревле, статически данное пересѣченіе Россіи и церковнаго православія—свялости и Руси—Святая Русь. Не въ темномъ, грѣшномъ мірѣ, не въ «міру» правда невидимаго града, вѣтъ его предѣловъ два. Подвигъ смиренія, «послушанія», покорнаго пріятія этой вѣполжно-данной, исконной «родовой» правды—вотъ завѣтъ Китежа, сулящій, какъ вѣнецъ «мірскихъ» достиженій, золотой холодъ струистаго отраженія, отзвукъ замирающаго, вѣтмрнаго звона: ибо былъемъ поросла потаенная «Батыева тропа», вводящая въ Китежъ того, кто вступитъ на нее, безповоротно отвергнувъ земное, рѣшивъ навѣки уйти изъ міра въ блаженный покой невидимаго града. Гдѣ-то уже дана Святая Русь, уже стоитъ завершенный и неподвижный Китежъ. «Назадъ къ Китежу!» вотъ тема, въ разнообразныхъ вариацияхъ проходящая явно или тайно въ симфоніяхъ неославянофиловъ (имъ кажется, что они зовутъ—впередъ). «Назадъ къ Китежу!» И прошлое—изъ измѣренія мысли становится измѣреніемъ жизни, дѣйствія; рождается конкретно-историческій импульсъ—охранить, «сберечь», защитить. И тутъ—затягиваются ядовитыя болотныя травы свѣтозарный ликъ Китежскаго видѣнія: Китежъ—сердце Россіи, Россія—мистическій организмъ, этотъ организмъ—не благоустроенное ли и крѣпкое русское государство, не империалистическая ли Великая Россія Струве, по-свѣднее слово европейскаго прошлаго. Немудрено, что въ такомъ взятіи сверхающая жаръ-птица Китежскаго видѣнія превращается въ самодовольную стилизацию, въ Билибинскаго пѣтушка. И мы видимъ: червонное, неугасимое золото Китежскихъ куполовъ—золото сусальное; на верхушкѣ терема сидитъ пѣтушокъ: онъ выкликаеть благонамѣреннаго конституціоннаго Додона:

Ки-ри, ку-ку!

Царствуй, лежа на боку.

«Чтобы идеалъ былъ плодотворенъ, нужно все вмѣстѣ въ него», обронилъ въ письмѣ Флоберъ мудрыя слова. Но прошлое не вмѣщаетъ грядущаго:

оно отрицает его. Ничего-то не вмѣстить стилизованный невидимый градъ изъ огромныхъ событий нашей современности. Что слышали мы отъ тѣхъ, кто прямо или косвенно говорилъ «отъ Китежа»? Вариации на тему «паденіе»: «распаденіе», «отпаденіе», «выпаденіе»—и только.

Сыны отцовъ, столшники древняго благочестія—они правы. Начался великій исходъ—изъ прошлаго. Тысячелѣтія стоявшее надъ горизонтомъ человѣческаго творчества солнце трансцендентно—неподвижно, единой, «родовой» нормы—закатывается. Что же остается? Остается самъ человѣкъ, и безгранично открытые ему просторы, и его воля къ свободному творчеству жизни. Для него наступаетъ пора внутренне отрѣзать себя отъ всякихъ внѣположно-данныхъ ему «организмовъ», отъ всякой «органичности»—религиозной, національной, бытовой: сквозь омертвѣвающую плоть этихъ «организмовъ» проступаетъ неподвижная каменная кость скелета. Россія—подлинная, человѣчески живая и свободная—задана, не дана. Не стоитъ позади древній, пустой камень Китежской свѣтлыни. Позади—только камень могильной плиты съ высѣченными «Сказаніемъ о Китежѣ»: ибо вернуться въ живое дѣтство нельзя, можно вернуться только въ прошлое. Но оно, это дѣтство, живое пониманіе его чистой, невыразимой правды воскресаетъ—на высотахъ цѣлостной мудрости, на высотахъ творчества. И тогда понимаемъ мы, что славянофильскій Китежъ—оптический обманъ, миражъ вѣчнаго прошлаго; что подлинный, живой Градъ Невидимый впереди, не позади,—не сложенъ гдѣ-то изъ древняго, застылаго камня, а строится въ насъ, въ нашемъ творчествѣ; что это—это мы. Этоъ Градъ Невидимый—больше, чѣмъ Святая Русь: онъ—Россія грядущая. И къ этому Граду ведутъ иныя, новыя тропы: не дѣтски «органическая» собранность, слитость у невидимаго престола исконной «родовой» правды, не дѣтски безумная отдача ей, а длительный и безпощадный исканіе мысли, исканіе послѣдней творческой свободы, одиночество предѣльного индивидуальнаго пути,—о которомъ такъ проникновенно и строго сказалъ нѣмецкій поэтъ Моргенштернъ:

Кто къ истинѣ идетъ, тѣмъ влуду—
Однимъ идти;
Никто никому не будетъ
Братъ по пути.

Этоъ Градъ Невидимый вмѣщаетъ нашу современность, вмѣщаетъ великій распадъ прошлаго, великое крушеніе всѣхъ застывшихъ формъ жизни—государственной, социальной, религиозной. Больше того, это крушеніе—его предпосылка, какъ предпосылка космоса—хаосъ, вихрь: вѣдь изъ хаотическаго вихря возникла сама наша солнечная система, ея свѣтъ и строй. Хаосъ—начало отрицательное лишь для тѣхъ, кто стоитъ на почвѣ прошлаго, кто живетъ и мыслитъ въ его привычно-неподвижныхъ формахъ. Но, какъ отвѣтъ, звучатъ людямъ грядущаго глубокія слова Фауста—Мефистофелю, духу тяжести и лукавства:

Въ Твоемъ ничто я все найти надѣюсь.

Для нихъ хаосъ—живое лоно грядущаго; онъ—стихія творчества. Изъ хаоса рождается Сикстинская Мадонна; изъ космоса—олеографія, овлеченно-безжизненная копія уже даннаго, вѣчное прошлое, вѣчная ложь. Поэтому-то выше олеографіи та гвздемъ прибитая къ стѣнкѣ перчатка, что однажды красовалась на футуристической выставкѣ: если это не было новой правдой, то было хоть устремленіемъ къ ней, хоть безговорочнымъ отказомъ отъ старой лжи. Не хаосъ страшенъ, а страшна была бы—вдругъ и безмятежно застывшая въ неподвижной лжи все-россійская олеографія империалистическаго государства. Россія, въ лицѣ которой проступила бы faces hierarchica сивонифекаго Китая. Нѣтъ, лучше социально-политическій футуризмъ, прибитый къ стѣнкѣ макеи а-

лисская перчатка. Правда, даже въ самомъ крайнемъ максимализмѣ современности—слишкомъ много прошлаго, неотступно подстерегающаго его опасностью застыть, стать абстракціей, фразой, «казешиной», творчество жизни подмѣнить ея птотмелеваніемъ. Но, конечно, это и не могло быть иначе: гроза надвигавшагося грядущаго—ея затихія и возвраты—протянется въ столѣтія. Но туча не отступитъ отъ насъ. Ею осененъ Градъ Невидимый—грядущая Россія. И долгъ нашъ—во имя его сказать распаду, ужасу, смерти—творческое «да».

М. Струговъ.

Священная Россія

Глубокіе смыслы заложены въ ритмъ образованья народа; онъ есть организмъ; черембичиво выраженіе облика, блестящаго изъ облака его бытовой, брэнной формы въ пространствѣ и времени; народъ есть энергія электричества, быющая молніей и освѣщающая горизонты исторіи.

Есть народы сложившіеся, какъ пласты горныхъ грудъ надъ рельефомъ исторіи; оковали они огневой центръ сложения своего.

Атмосферные льды ихъ вершинъ проблистали отчужденно холодомъ государственной идеи народа; а зелень, покрывшая склоны,—культура и бытъ; образованная кряжи породы есть раса; государственность не зависитъ отъ расы, лежащей въ основѣ культуры и быта; культура и бытъ—зависимыя перемѣнныя государственности и расы.

Но подъ горной породой клокочетъ расплавленный жаръ въ самомъ центрѣ земли, кристаллизуя свои оболочки (породы), привставшія цѣлью уступовъ (народовъ) къ вѣчающей ихъ государственности. А расплавленный центръ, надъ которымъ вьются оболочки народовъ—духовный смыслъ жизни.

Что есть вулканъ? Въ немъ огонь черезъ трещины горныхъ породъ (или расъ), расплавляетъ холодные льды государственности; и—образуетъ жерло изъ вершинъ; оттуда бьетъ лава; мѣняется она формы контуровъ.

Черезъ вулканные жерла глубины взлетаютъ въ небесныя выси; и упавъ оттуда, какъ лава, текутъ, образуя иные рельефы народовъ, цвѣтущихъ подлѣбе культурами, бытами.

Есть народы, какъ формы, есть расы, какъ формы, есть взрывы народовъ, и расъ, черезъ которые излетаютъ духовные смыслы; мѣняется намъ представленіе о челоуѣчествѣ.

Россія не есть государство; не есть она раса; и менѣе всего есть народъ. Она въ прошломъ—расплавленность, пламень подземныхъ породъ, остывающей покрываемый бытами и культурами; на одиакъ исторической мпѣ увѣчала она государственностью; и разбила ее. Другія культуры спокойно и гордо сіяютъ въ законченной формѣ, вѣчающей національности. И они по вулканы.

Вся трагедія жизни Россіи, весь ужасъ ея положенія въ мірѣ, огромность задалій въ томъ, что ни гора она, оледенѣлая государственностью, ни уступы той горы (не народъ) а—жерло, черезъ которое бьетъ свѣтъ задалій грядущаго челоуѣчества; въ ней—провалъ государства, въ пожарахъ культуръ; и въ ней—гибель готовыхъ народовъ.

Распыленіе павшей Имперіи—фактъ; что въ паденіи бьется не есть организмъ; не разбивается—человѣкъ; поднимается,—и продолжаетъ свой путь; если бы голова его, руки и ноги стремительно разлетѣлись, то челоуѣкъ неслалъ бы онъ быть жизнью. Не обшную статую можно сложить изъ осколковъ. Разбитые организмы не складываются.

Отдѣленье Финляндіи, Бѣлорусіи, Латвіи, Украйны, Кавказа—разбитіе статуи, изображавшей Имперію.

И она—не Россія: не родина. Родиной зачастую считали аллегорическое изображеніе; паденіе Русской Имперіи—разрушеніе аллегоріи у насъ въ головѣ отъ толчка живой жизни.

Слово «родина» указываетъ на родъ; рожденіе жизни—вотъ корень народа; народы не связаны мѣстомъ; и съ наступленіемъ ледниковой эпохи народы Европы перекачнутся на югъ.

Россія—не бытъ; существованіе множества русскихъ бытовъ есть фактъ; и Россія не есть намъ культура; менѣе всего она есть культура опредѣленнаго класса.

Культуры, которыя мы именуемъ Петровской литературной, Пушкинской, интеллигентской, византийскою—не культуры въ широкомъ значеніи смысла; но и онѣ суть Россія.

Культура традицій литературной Россіи—одинъ изъ симптомовъ искомой Россіи, быть можетъ; съ достаточной яркостью отразился одинъ изъ огромнаго множества «бытовъ» недавней Имперіи въ немъ.

Но до Петровское начало Россіи, живущее въ насъ не нашло отраженія въ немъ. Между тѣмъ: существуя съ интеллигентскою и дворянскою культурой начало московской Россіи проходитъ сквозь весь восемнадцатый вѣкъ и сквозь весь девятнадцатый вѣкъ; византийскіе корни въ Россіи недавняго прошлаго крѣпче, чѣмъ болѣе поздніе корни дворянской, сословной, бюрократической, интеллигентской Россіи. И вѣдшіе скрѣпы Петровой Имперіи, поверхностнѣй оформляющъ Россію, чѣмъ скрѣпы народной Россіи.

Россія—энергія взрыва; она не имѣетъ отчетливой формы; и допускаетъ огромное множество формъ (динамитъ одинаково взрываетъ внутри металлической полости—круглой, трехгранной, овальной); не въ Православіи, не въ Петрѣ и не въ Пушкинѣ пребываетъ она; но сквозь нихъ она дѣйствуетъ.

Петрова Имперія разорвалась, точно бомба, пзравивши столькоя души осколками разлетѣвшей оболочки (Украиной, Литвой, Вѣлорусіей, Крымомъ, Кавказомъ); если въ будущемъ соединятся они, соединеніе будетъ случайно: Россія—не въ немъ.

И византизмъ, и Петрова Россія, какъ и другія «Россіи» суть льдины, несомыя внешней водой въ ледоходные дни; разливанное море—народы—бушуютъ, поютъ объ исконномъ, о старомъ и бушующихъ тысячелѣтній подлѣ формамъ бытовъ, культуръ, государственныхъ устройствъ и поэтическихъ чашцъ; весь расплавъ, нынѣ поднятый черезъ трещины треснувшихъ горныхъ породъ до вершины російскаго империализма, образовалъ изъ вершины жерло и струю культуръ угрожающъ онъ хлынуть въ градацію національностей, образовавшихъ «Имперію».

Народы, сближившіе русскую низменность суть горизонты проявленной исторической жизни; по заявленію Шрадера въ условномъ исторіи бытѣ, въ одеждахъ и въ формахъ язычныхъ перекликаются эти народы съ народами русскими; такъ культурою прароссійскаго языка пропечатаны мы.

И мы болѣе скифы, чѣмъ даже славяне въ обыкновенномъ значеніи этого слова: и скифы—не варвары.

Мы не русскіе въ пошлоусловномъ и суженномъ смыслѣ, въ какой насъ угодно зачатъ отвлеченникамъ націонализма, патриотизма, империализма подлѣ рубрику «сочиненныхъ «Россій»».

Звукъ словъ «Русь», «Россія», по смыслу древнѣйшей сочиненной недавно «Россіи» и «Руси Московскою»; (Но отъ племени-ль Русь происходитъ позднѣйшая Русь? Въ такомъ случаѣ почему она не Древліянія, почему не Полянія?)

«Русь»—по гречески обозначаетъ намъ: сильный; и росіаель—сила. Россія есть Сила; и русой—родъ скифскій; генеалогія слова Россія связуетъ Россію съ таинственной Скивіей. И Скивіаць, осужденный догматикой, можетъ быть, Русскій приподнятый шадъ пучиною воспламененнаго духа.

Корни руд-роз-росъ вяжутъ значенія: роза-рожай-урожай-родъ-народъ-Росель-ростъ; И—далѣе, далѣе. Въ звукѣ слова «Россія» вписалось: рослая, сильная, родная (или родная).

А звукъ слова Русь еще значимѣй; перекликается онъ съ древнѣйшимъ санскритомъ; русантъ по санскритски есть свѣтлый (иль—русый); и Русь—это свѣтошь. Звукъ силы и свѣта въ насъ есть; въ изначальномъ—силы и свѣта; на финикийскомъ русь есть голова; звуки мудрости, соединяются со звуками силы и свѣта; «руз-руд-руж»—приносятъ оттънки: рудъ (рудый) и rouge (по-французски); Русь—Красная. Красота, Сила, Мудрость соединяются въ звукѣ слова Россія и Соединеніе Красотами, Силою, Мудростью,—какъ въ алхимическомъ камнѣ; вписываетъ огромную Миссію опредѣляемой и искомой Россіи.

И Миссія русская совпадаетъ до странности съ миссіей человѣче тѣй рассы. Вселенская Миссія—только она и есть родина: это вписано въ звуки слова Россель, Русскій.

Rusoi—свѣтлыя, русые, русскіе; Rusios есть рудый, иль текущій расплавленно; русскіе дѣти свѣта; и кромѣ того Rus—текущій (русой, ручей, лучъ), пребывающій въ неизмѣнномъ движеніи и по имѣющій формы; по идеалъ всей культуры, какъ онъ обозначился въ заострѣннѣхъ времени,—динамическій вихрь Гераклиана. Россія должна встать, какъ вихрь, передъ всею Европою (не теперь, такъ потомъ); и быть вихремъ огня значить быть: русскимъ, будущимъ, блещущимъ перемѣняющимъ формы и подчиненнымъ не формѣ, а самому ритму метаморфозы народностей.

Русское есть рудѣ, текущее, протекающее, какъ расплавленный шадъ; и—какъ свѣтлая сила ручья, производящаго урожай народовъ.

Въ урожаѣ народовъ—Россія; и—не народъ, и не сумма готовыхъ народовъ ее образуетъ.

Идеи о сохраненіи быта народа и лика народной Россіи по существу не народны; ископно народная сила Россіи по существу вѣтъ-народна: она—всенародна. Идеи о сохраненіи Лика Россіи уничтожаютъ Ликъ Русскій, его подмѣняя оффициальномъ маскою, разбиваемой въ первомъ же революціонномъ толкѣ.

Русь, Россія есть свѣточи, блески людей, нарожденій, народовъ, люющихся лавой изъ пѣкаго центра, смѣсочнаго окостенѣлыя бытового и государственные устои во имя свѣтлѣйшихъ, чистѣйшихъ и нынѣ чуть брезжащихъ устремленій вселенскаго братства, вселенской, конкретной любви. Россія—страна Иоаннова; такъ она обозначена на древнѣйшихъ географическихъ картахъ; въ своемъ прошломъ—то скивія и сарматія; въ будущемъ—Иоаннія.

Центръ Россіи—есть линия тысячелѣтній, переселяющая народы на западъ и на Востокъ; въ другомъ измѣреніи линия явлена блещущей звѣздой Иоанна. Православіе, Византия, Петръ, Пушкинъ—моменты: лучи той звѣзды; отождествлять съ тѣмъ иль съ этимъ Россію—нелзя; и измѣривать судьбы ея политическимъ строемъ—нелзя.

Полицейскою плеткой разсудка, названнаго «Идеологіей русской» стегаемъ Россію; разсудокъ—участокъ; полицейскіе пристава—наши вялые мысли—разбѣхались, въ немъ, видя стѣны участка разброшенными силой подземныхъ толчковъ. Наши взгляды, разбиты: тысячелѣтія по вмѣстели они.

Событія міра мы мѣримъ, убогою мѣркой; забыли мы: челоуѣчеству пробилъ часъ.

Мы поняли это, увы головою одною—не волей, не сердцемъ, не плотью, не кровью; не поняли мы, что дары поколѣнья (идеи), рядовъ поколѣній (нащъ бытъ) и народовъ, испекшихъ ручьями изъ Скивіи и отвергнѣвшихъ недвижно—все это обрушится въ часъ міровой, проступающій въ душахъ у насъ; по гибели бытовъ, Имперіи—разбуханіе оболочки, мерзвъ которую выдѣтъ наружу розою выбгашущей розы народовъ (по гречески роза есть Roda); народы священной Россіи пѣднѣйшіе лепестки.

Россія есть свѣтель и цвѣтель взбухающей жизненной силы. Такою хотимъ мы Россію. Такою мы можемъ любить; въ ней мы любимъ и въ отпечатки конкретнаго Лика Ея; по заслонить этотъ

Ликъ отпечаткамъ Лика не можемъ: во имя Россіи Петровой, или Пушкинской, какъ и во имя родинскаго Интернаціонала не можемъ забыть мы Священную Россію.

Она—свѣтъ душъ; невѣроятными вѣнчиками освѣщаетъ она перспективу грядущихъ, прошедшихъ и сущихъ эпохъ, пронизаемыхъ Силою, пропитаемыхъ Свѣтомъ и пропитаемыхъ Мудростью. Центръ трехлучія—центръ исконный—Россія.

До сихъ поръ чѣмъ была она намъ?

Кипѣниемъ деформированной жизни до-христианскихъ племенъ. Потомъ—клокотаніемъ ихъ подъ византийскою ризою; воспоминанье объ этой падѣтой на Скиѣю ризѣ и есть Православная Русь.

Подъ напоромъ съ востока на византийскую ризу падѣта пасильственна форма Московскою Татаріи; Русь Святая теперь—утопившій градъ Китежъ; еслибы всплыть этотъ Китежъ опять, мы увидѣли-бы явственно: прошлое.

Но обо—не Россія.

Въ третьей формѣ своей, подъ напорами съ запада предстаетъ намъ: Имперія.

Многобразіе русскихъ бытовъ, культуръ—лишь орнаменты трехъ другъ на друга падѣтыхъ линій, существующихъ параллельно, неслитно.

Пересѣченіе ихъ невозможно безъ поваго сплава, переходящаго въ новый химическій актъ; сплавъ предполагаетъ расплавъ.

Въ периодъ расплава мы только вступаемъ: а сплавъ—впередъ; мы къ нему взойдемъ съ въ расплавъ; Сила, Мудрость и Свѣтъ—тризначенія жорней «Ros» и «Rus», образующихъ слово «Россія», соединятся въ химическомъ актѣ, вѣчающемъ сплавъ: этотъ актъ есть актъ рожденія нашей Священной Россіи.

Лингвисты находятъ въ корняхъ Скиѣскихъ словъ соединеніе двухъ вѣтвей, исходящихъ изъ праарійской язычности; въ ней «скиѣ»—остатки той родины (рода), изъ которой возстали индо-арійские племена; названье Священной Россіи—по повому выявить тайну ушедшаго Скиѣа: соединить двѣ волны, разошедшіяся на востокъ и на западъ—въ единое братство народовъ. Отъ брака народовъ возникнетъ грядущая раса, подобная индо-арійской; Россія ей—мать.

Люди узкаго кругозора не понимаютъ размаха событий, въ которыхъ мы вступаемъ еще; мировая война—первый актъ; революція—актъ второй; впередъ—много актовъ: рожденія; не въ состояніи понимать люди узкаго взгляда размаха любви нашей къ родинѣ: къ родамъ ея.

Въ ней—священная Роза (по гречески роза есть рода); священная Роза раскроется въ лепесткахъ вновь зацвѣтшихъ народовъ любви.

Люди узкаго кругозора не понимаютъ: одновременно, (всегда!) сочетаются лозунги, обращенные къ Слову: Россія.

Исчезни, исчезни въ пространствѣ
Россія, Россія моя!

Второй лозунгъ—гласить:

Россія, Россія, Россія—
Мессія грядущаго дня.

Во Христѣ умираетъ Она. Въ Свѣтомъ Духѣ—рождается, какъ... Мессія грядущаго.

Андрей Бѣлый.

Amores.

Когда пробьетъ послѣдній часъ
природы,
Составъ частей разрушится зем-
ныхъ.

Все зримое опять покроютъ воды,
И Божій ликъ изобразится въ
нихъ.
О. Тютчевъ.

Крокодилъ обладаетъ пастью...
вотъ и все, по-настоящему.
Въ серединѣ же... находится пу-
стое пространство.
А. Достоевскій.

1. Любовь.

Мы не такъ ужъ плотны, вовсе не такъ и толсты: текуче стихійны;—стихія природна намъ: родившись, проживаешь съ природой въ согласіи и въ тѣснѣшемъ единеніи.

Толстой говорить: „...природа не существуетъ для меня... вѣроятно, надо уйти отъ нея, чтобы видѣть ее, а я былъ природа...“¹⁾ Вотъ отъ этого взгляды на жизнь у младенцевъ—отсутствуютъ.

Прорывъ оболочки, толщи тѣлесности, нарастающей въ продолженіи жизни,—отрѣшеніе отъ взглядовъ, чтобъ жизнь въ единеніи,—завершается любовнымъ согласіемъ съ предметомъ чувства, слияніемъ, встающимъ, какъ утвержденіе я въ ты. Разглядываніе черезъ перегодку,—подглядываніе въ щелку,—намъ дастъ блѣдное представленіе о мірѣ; познаніе начнется отъ чувственной данности и будетъ—съ отбѣнкомъ ревнивой сiletни: о странности поведенія, напимѣрь... нашей плоти, какой-то „самой по себѣ“, „себѣ на умѣ“. И будетъ матерія; и будетъ—лишенный жизни рассказъ; не будетъ—жизни.

Въ таинственномъ переживаніи нами природы—въ единомъ мигѣ—намъ откроется безграничность возможныхъ твореній, откроются намъ законы Божественной фантазіи: въ текущемъ моментѣ; расплавится матеріальность предмета; мы скажемъ: красиво! Плавленіе происходитъ, когда мы смотримъ на красивую вазу, мы чувствуемъ къ ней влеченіе, симпатію, загорается искра—познанія мудрости процесса творенія вазы; ваза становится—душевною вазой. Передача впечатлѣнія невозможно блѣдна; можно сказать: онъ красивый, я люблю его; и говорить: если не помните его лица—въ него влюблены.

Чѣмъ мы черствѣе, плотнѣе, мертвѣе,—тѣмъ сильнѣй у насъ будетъ влеченіе къ тому, что грубѣе и... матеріальнѣе: къ дырявому сапогу. Поэтому говорятъ: понятіе красоты относительно.

Тѣло, второе, мертвое я—не духовно, безобразно: отсѣчено отъ духа; и оно просвѣтляется въ свѣтѣ упавшей звѣзды, въ свѣтѣ Христовѣ.

И опять звѣзда ныряетъ
Въ легкой зыби невскихъ волнъ,
И опять любовь ввѣряетъ
Ей таинственный свой челнъ.²⁾

Изъ глуши невѣдомой тайны мы выходимъ къ спящему свѣту. Такъ: тайной плѣняющая глушь звука Русь проситъ еще и другого,—звучащаго міру... въ Россіи. Такъ мы, влюбленные въ святую Русь, съ нею же выйдемъ къ Россіи—Священной. Святая Русь—не прошлое, а древнее, какъ згаданное въ вѣкахъ, и грядущее, какъ Россія. Въ прошломъ нѣтъ тайны. Но за брошенную, забытую любовь подстережетъ насъ мечь непрощенныхъ мертвецовъ. Пробужденіе умирающей плоти насъ ждетъ. Такъ говорить Вячеславъ Ивановъ:

Зрящихъ силъ въ незрячій омутъ
Досягаютъ копія.
Такъ тревожатъ духи дрему
Безсознательнаго я.

¹⁾ Первая воспоминанія.

²⁾ О. Тютчевъ.

2. О бомбѣ и буржуа. Divide et impera!

Толща плотной тѣлесности насъ отдѣляетъ отъ бьющей стремительнымъ пульсомъ, поражающей и пугающей незнакомой законностью, — жизни. Предстоящій намъ міръ—мы разсматриваемъ: сквозь весьма „субъективные“ стекла; усыхание плоти—вялость игръ въ насъ—знаменуется овисаніемъ хаоса къ намъ—тряпьемъ вороньяго пугала: осыпью цѣлостности міра конгломератомъ вещей.

Понятіе—вырѣзъ изъ дѣйствительности; въ разсудочномъ познаніи процессъ расчленяется,—передъ нами встаетъ несвязность отрѣзковъ единства. Описание общихъ признаковъ, покрытие сухими абстракціями—явится результатомъ процесса познанія. Создавая условія культурно порядочной жизни, мы занимаемся—приведеніемъ въ порядокъ безпорядочнаго мірового хозяйства. Динамика жизни замѣняется лишь приведеніемъ въ движеніе и еще... динамитомъ.

Убоявшись бросится въ волны текучей стихіи—въ любовномъ порывѣ—мы обрекли себя на „пожирание взглядомъ“ предметовъ чувствъ, отъ которыхъ, подстерегаемыхъ фотографическимъ аппаратомъ, намъ на память останется плоскость картонки.. матерія. Замѣна становящагося ставшимъ влечетъ за собою—признаніе: пошлости... „текущей жизни“.

Стремленіе Раскольникова (послѣ разсужденій на чердакѣ) овладѣть матерьяломъ (матерьяльнымъ міромъ) послѣ убійства старухи (вороньяго пугала)—для эпохи характерны.

Старинный лозунгъ: divide et impera! — властно звучитъ. Пожирание взглядомъ—не любовь, а страсть: овладѣть. Въ этомъ случаѣ, „предметъ чувства“, конечно, къ намъ будетъ безчувственъ, равнодушенъ настолько,—что вовсе: „себѣ на умѣ“. Извлечение предмета нашихъ воззрѣній, изъ какой-то его особенной, недостижимой для насъ жизни,—вотъ наша задача: въ этомъ случаѣ. Слѣдующее за тѣмъ соединеніе—не законный бракъ, а лишь сдѣлка: приобрѣтеніе собственности. Приобрѣтенія знаній—безчувственные предметы—нагромождаются нами въ строи культурныхъ цѣнностей, храмовидныхъ построекъ. Разсѣканіе міра и овладѣваніе п а в ш и м и предметами... чувствъ... въ чувственной жизни... (ставшихъ... безчувственными)... это и есть—буржуазный образъ жизни. И отъ безчувственныхъ къ намъ предметовъ.. чувства—мы отвязаться не можемъ, а они изъ насъ высасываютъ... всѣ соки.

Соединеніе съ міромъ осуществляется, какъ—прикасание: тѣлесною толщей; и вотъ: буржуа соединяется съ природой „en se frotant dans l'herbe“ на собственномъ коврикѣ изъ травы. Намъ кажется приобрѣтеніе собственности влечетъ за собою тѣснѣйшую связь—съ приобрѣтеннымъ, но оказывается—строенье построекъ культуры отзывается въ насъ только начинкой желудка и вздутіемъ пустоты, гдѣ гуляютъ свободные вѣтры, и изсушеніемъ жизненныхъ токовъ (какъ замѣтили выше мы); строенія построекъ культуры, какъ нормы заборовъ, насъ ограждающихъ отъ дерзновенныхъ попытокъ забраться въ чужой—теперь—огородъ, вѣдряютъ въ насъ робость тѣней, бродящихъ въ смертной тоскѣ, усыпляя живѣйшую плоть. Такъ: сдѣлание осколковъ рушащагося міра рисуетъ сложный узоръ, но узоръ забора; и мы—или перейдемъ въ слѣдующій планъ: новой жизни, или пролетимъ въ пустоту. Заборы—стѣнки желудка, гдѣ гуляютъ въ пустотахъ: свободные вѣтры; а роковое послѣдствіе такого взрыва—пролетѣтъ въ пустоту. Жизни въ насъ нѣтъ; и крикъ о свободѣ тогда,—крикъ въ пустоту. Насъ подстережетъ взрывъ анархической бомбы, какъ бомбы—пустѣйшей. И скажемъ: въ тѣснѣйшемъ бы единеніи зажали многие почтенные люди и разные ...тамъ... хулиганы: если бы поняли.

Какимъ же намъ раскрывается міръ?

Представленіе о мірѣ зависитъ отъ настроенія... мы настроены скверно: начинка остатковъ въ насъ... выстроилась—нерушимостью убѣжденій.

Міръ—вздутые давно пролетѣвшихъ осколковъ; застыль, сталь, онъ—шесть, тумба, все, что угодно, какъ Плюшкинъ: то баба, то ключникъ; Плюшкинъ,—какъ мы. Міръ—результатъ произнесенія слова—мнѣнія, и раздутаго: далѣе. Слово, отвлеченное отъ забытаго корня: сколокъ, осколковъ; раздутаго же въ наскокахъ словесныхъ ударовъ и налетахъ пылкой словесной пыли, оно явится, какъ слово—большое. Произнесеніе „большихъ“ словъ, взятыхъ пустою поверхностью,—разговоръ безсмысленныхъ утверждений, и будетъ большевизмомъ: игрой не мірами, а пузырями.

„Кромѣ послѣдняго безумнаго желанія производства въ полковники,—онъ совершенно правъ, ибо вполне понимаетъ теперешнюю цѣнность показываемаго имъ чудовища. Экономическій принципъ прежде всего!“

И вотъ—мы свидѣтели тѣснѣйшаго единенія: вновь. Распространеніе власти на міръ—ширится, ширится, ширится—до сего времени было задачей государства.

Вложеніе—безъ всякаго смысла—чужихъ, чуждыхъ земель—являлось національнымъ препровожденіемъ времени. И государство мы называли—империалистическимъ.

Возникшее затрудненіе: какъ управиться съ огромной планетой! было побѣждено—системою рычаговъ: бюрократическимъ строемъ; беззначность и сухость—характеризировали его; слѣдствіемъ было истѣненіе національнаго духа самаго государства: въ плакатный prospectъ—о поведеніи. Государствъ и стало—желудкомъ и тѣнью, чѣмъ-то: совершенно всѣмъ общимъ.

Если посмотримъ на положеніе желудка въ человеческомъ тѣлѣ, то увидимъ, что онъ... между—ногами и головой. Онъ раздуется безобразно и грубо оторванный отъ остального тѣла... отъ живой плоти; и мы увидимъ гдѣ то всящую воздушность огромныхъ размѣровъ.

Интернаціональ.. международное.. Гдѣ-же—между? не въ народѣ,—конечно,—въ воздушныхъ просторахъ. Національное таятся въ глубинахъ. И скажемъ: въ страшныхъ глубинахъ. Вскрытіе духа народа—въ грядущемъ. Интернаціональ осуществился: въ довольно близкомъ,—но все же: прошломъ.

Ахъ, тѣснѣйшее единеніе, тѣснѣйшее единеніе!

Оплотненіе и изсушеніе влечетъ за собою—распадъ... тѣла; сдѣлание осколковъ не повлечетъ за собою—союзъ навѣки: осколки не проникаютъ другъ друга.

Опаденіе носа у маіора Ковалева—произойдетъ неизбежно; и часть нѣкоей цѣлостности окажется—въ высшемъ чинѣ. Передъ возникшими двойниками—Голядкиными—замуцаемся. И все же:

Государства стремятся прицѣпить, отцѣпить отрѣзки земель, и они—выходятъ изъ границъ, чтобъ захлестнуть волною чувства.. „національнаго“ достоинства: міръ. Нынѣ же: передъ обиженнымъ міромъ—Россия выходитъ: изъ себя.

Какъ же выходитъ?

3. Звѣзда.

Въ нашемъ сознаніи протекаютъ миражи: міры, государства, пространства, планеты. Они—порожденія болѣзненной фантазіи; собственно: фантастичны они. Простота и нелѣпость. нелѣпость и простота. Простоты было больше—на Западѣ; въ Россіи—нелѣпости. Оттого и была Россія прекрасной—въ таинственной странности: нелѣпости. За нелѣпостью ждали—Прекрасную Даму. Не будучи дама прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ:—Россия пугала странностью поведенія. И нынѣ, когда дернулись судоргой покровы: слетающей ветоши, предъ нами—Мадонна: Пикассо.

Открылась Великая Россія—Россіей большой: замыслили на тайну мы въ „простотѣ“; вскрылось—уродство

Опредѣленіе Россіи словесно—невозможно: она тайна грядущаго. Но мы можемъ сказать: она не измѣрима пространствомъ земли. Земля приобрѣтенная,—сорвана, вырвана, украдена, отъ тучной почвы отдѣлена,—

она миражъ: сознанія нашего. Вотъ и встанетъ—Россия: абстракціей; и—распадется: въ нашемъ сознаніи. Свершится же—подлинно: отпаденіе Россіи отъ насъ, уходя ея въ глушь позабытыхъ временъ. Россія уходитъ—въ сѣдую Русь; и стынетъ ледяною равниной. Плоть отпадетъ отъ „мыслящаго я“...

Въ твоихъ поляхъ завоюетъ волкъ голодный
На мертвую луну...

— Невысокіе твои города...“

Земли вспаханы плугомъ. И единеніе съ землею здѣсь подлинно—есть, и единеніе съ міромъ; дано символически: въ плугъ врѣзанномъ въ землю.

Паденіе зерна, какъ паденіе Виолеттской звѣзды. Любовныя чувства—выйдутъ въ міръ. Такъ выходитъ Россія изъ береговъ: предвзятостей.

Распаденіе Россіи—невозможно: Россія звѣзда.

Освѣщеніе „тмы“ Россіей—загадано. Она приняла въ себя темную тюрко-монгольскую кровь. На сѣверѣ ждуть—звѣзду—самоѣды.

Изъ тмы зерна вырастаетъ цвѣтокъ, освящая землю. И вотъ... не случайны пространства Россіи: священные они.

Вдвинуть Россію въ Москву—значитъ: отдать на сѣденіе тѣло... Россіи—волкамъ.

Расширить Россію до Дарданеллъ—значитъ: ее ограничить; шириться будетъ она: освящая, сливая, сливаясь и плавая; позабыть древнюю Русь—значитъ: заболтавшись словами, запутаться въ беззначностяхъ—въ грѣхахъ умереть. Насъ ждетъ... страшная месть непощенныхъ мертвецовъ.

Звѣзда потускнѣетъ... и—улетитъ.

„У! какая сверкающая, какая чудная, незнакомая земля! Русь!“

Россія...

Юсифъ Куницъ.

Два лика.

— „Нѣтъ, перчатки мнѣ замшевыя.

— „Потрудитесь ваше высокопревосходительство, обождать съ. Вѣдь перчатки у насъ въ шифоньеркѣ: полка бе, сѣверо-западъ!..“

Разговоръ очень странный. Ну, положимъ понятно—перчатки. Но причѣмъ сѣверо-западъ здѣсь? Но читаемъ мы дальше и намъ выясняется.

„Аполлонъ Аполлоновичъ только разъ вошелъ въ мелочи жизни: онъ однажды продѣлалъ ревизію своему инвентарю. Инвентарь былъ регистриванъ въ порядкѣ и установлена номенклатура всѣхъ полокъ и полочекъ. Появились полочки а, б, це, а четыре стороны полочекъ приняли обозначеніе четырехъ сторонъ свѣта“.

Любезный читатель безъ сомнѣнья давно ужъ зналъ Аполлона Аполлоновича Аблеухова, героя романа Андрея Бѣлаго „Петербургъ“. Да простится намъ длинная выписка, мы хотѣли напомнить читателю объ изумительномъ остроуміи Аполлона Аполлоновича. Въ самомъ дѣлѣ: всякая вещь на своемъ мѣстѣ и найти ее чрезвычайно легко. Все разложено аккуратно по полочкамъ. Жизнь упрощена до послѣдней возможности. Подлинно, скажемъ мы: мудрый Аполлонъ Аполлоновичъ.

Культурное общество быть, можетъ, обидится: „экое диво подумаешь! какъ будто бы мы не сумѣемъ!“

Справедливо, безспорно. Мы утѣшимъ культурное общество, добавивъ: „и не только сумѣете, но сумѣли уже“. Европейская культура въ своемъ развитіи пришла къ раскладыванію вещей по полочкамъ. Для порядка; и—для упрощенія жизни. И въ раскладываньи вещей развивалась наука, торговля, промышленность. И развивалось общественное сознаніе...

То есть все это больше относится къ Западу. А Россія недавно лишь стала учиться. Но теперь и въ Россіи развивается тоже общественное сознаніе.

Но вотъ странность: въ Россіи, какъ будто бы, два сознанія. И одно изъ нихъ—есть сознаніе общественное. Корень общественнаго сознанія въ индивидуальномъ владѣннн. Намъ марксизмъ объяснилъ уже давно: два чѣловѣка хотятъ овладѣть одной вещью; отсюда рож-

дается этика; изъ нея же. изъ этики вырастаетъ этический принципъ общественности и далѣе—право.

Индивидуальная воля къ владѣнню обусловила собою развитіе формъ соціальныхъ отношеній; въ своемъ развитіи они привели къ буржуазно-промышленнымъ видамъ общественности Германіи, Англіи, Франціи.

Тамъ настроили много заводовъ и фабрикъ и—умѣютъ все дѣлать. Тамъ разложены вещи по полочкамъ. Живутъ тамъ хотя и не тѣ же, но такіе же люди, какъ мы. И въ Парижѣ фланеръ забѣгаетъ въ кафэ и въ Мюнхенѣ бюргеръ важно ходитъ въ пивную. И въ Берлинѣ и въ Лондонѣ есть—проститутки, ученые, адвокаты; и всѣ тамъ живутъ, хоть не такъ же, какъ мы, но похоже.

Но пойдите въ музей:—тамъ и сямъ передъ вами торчатъ восковыя фигуры, до смѣшного, до ужаса похожія на васъ же самихъ. И въ ярмарочномъ паноптикумѣ изъ стекляннаго ящика на васъ смотритъ съ безсмысленной улыбкой царица Египта и проблещетъ въ глаза вамъ лакированнымъ ногтемъ застывшей руки, держащей застывшую тотчасъ же послѣ укуса змѣю.

Въ развитіи буржуазной общественности застываетъ Европа, обкладываясь бутфорскими кубиками до конца, до предѣла разложенной по полкамъ дѣйствительности. И—кривится застывшей улыбкой.

Заморозить хотятъ и Россію. Но въ Россіи буржуазно-общественному сознанію прогивопоставляется иное, особое сознаніе.

Назадъ тому десять вѣковъ Россія пріяла Христа. И принявши Христа, стала Русь православною.

Мнѣ читатель быть можетъ напомнить, что Христа принялъ Западъ, вѣдь, тоже! И даже значительно раньше.

— Справедливо, безспорно. Но принявши Его, и принявши значительно раньше, онъ въ развитіи буржуазной общественности и Ему ужъ давно нашель мѣсто на полочкѣ. И торгуетъ имъ въ розницу. Принципъ индивидуальнаго владѣннн распространился и на Христа. За право молиться ему платятъ деньги. И за мелкую монету уносить съ собою англичанинъ домой немного божественной благодати. И, вспомнивши, какъ остроумно устроился одинъ изъ раслятыхъ разбойниковъ, скажетъ: „помяни мя, егда придеши во царствіе твое!“

Русскій бытъ хранить въ себѣ религіозную основу жизни. Всякій русскій мужикъ въ своемъ сердцѣ хранить нѣжную о Господѣ тайну.

Здѣсь напомнимъ мы старый, всѣмъ извѣстный давно анекдотъ о мужикѣ, уличенномъ въ убійствѣ и рассказывавшемъ на допросѣ:—Поднялъ это я топоръ и думаю: ну, благослови Господи!

Это—ужасъ, и рассказчика упрекнуть быть можетъ, въ кощунствѣ. Но кощунства здѣсь нѣтъ, какъ нѣтъ его (нѣтъ, утверждаю) и въ словахъ мужика. Словами своими мужикъ сей не Бога хочетъ унижить до себя и не себя—возвеличить до Бога. Смысль этого нелѣпншаго анекдота глубже заложенъ.

Не мужикъ своей вѣрою утверждаетъ бытіе Бога. Богъ прежде него, самое его существованіе есть слѣдствіе бытія Божія и потому-то ни одного дѣла не можетъ свершить онъ безъ благословенія Господа.

Вотъ Раскольникову, члену буржуазнаго общества нужно вѣрой своей утвердить бытіе Бога. И не найдя внѣ себя Бога, котораго могъ бы онъ утвердить, онъ пытается утвердить Бога въ себѣ. Но мы знаемъ—Раскольниковъ лопнулъ...

Мужикъ же, повторимъ, даже топоръ поднимаетъ съ Божьимъ именемъ на устахъ. И это вполне естественно: Не мужикъ своей вѣрой создаетъ изнутри себя Бога, но Богъ создалъ мужика. И отсюда рождается русское народное, религіозно-общинное сознаніе. Не социализмъ, не коммуна, а община. Но жизнь по законамъ, но жизнь въ законѣ. Не индивидуальная молитва, но мірское радѣнне.

Религіозное сознаніе русскаго народа было издавна сдвлено православіемъ, утвержденнымъ на основѣ самодержавія. Казенное православіе въ теченіе вѣковъ старалось убить въ народѣ Христа. И религіозное сознаніе русскаго народа трезуетъ освобожденія русскаго Бога. Сейчасъ же, сію же минуту.

Таковы два сознанія, два лика Россіи... И одинъ—

неживой ликъ, холодный, лакированный ликъ воскового сатира въ паноптикумѣ. Ликъ другой — ликъ носящій въ себѣ плоть и кровь Исуса Христа, огнедышашій, солнечный ликъ, живой храмъ пламенѣющей вѣры.

Изъ двухъ сознаний возникаютъ и два, совершенно различныхъ смысла революціи.

Буржуазное общество въ развитіи буржуазной общественной на пути своемъ встрѣчало всегда противодействие монархіи.

Богомъ данный монархъ сильно мѣшалъ буржуазному обществу въ раскладываніи вещей по полочкамъ, въ овладѣваніи дѣйствительностью, въ ревизіи и накопленіи инвентаря.

Богомъ данный монархъ заставлялъ буржуазное общество, замораживаясь въ семь прекрасномъ зянатиі, замораживаться не какъ угодно, не самостоятельно, а именно въ старой, давно ужъ отлитой, опредѣленной формочкѣ... изъ подъ крема. Ибо сама то монархія, какъ видъ оформленія жизни въ законодательныхъ нормахъ, ссыхаясь и отвердевая, умерла ужъ давно. И формочка ссохшейся монархіи совершенно не соответствовала естественной тенденціи общества въ процессѣ замораживанія. Въ девятьсотъ пятомъ году русское общество попыталось разбить эту форму и получить возможность затвердевать въ естественномъ видѣ. Но форма монархіи оказалась слишкомъ крѣпкою и новая революція была неизбежна.

Вопросъ былъ во времени.

Но—Германія объявила войну Россіи.

Требуемое войной максимальное напряженіе силъ страны возможно лишь при максимальномъ соответствіи между формой правленія и формами буржуазно-общественной жизни страны.

Въ неудачной войнѣ вскрылось несоответствіе и 28-го февраля 1917 года произошла революція. Буржуазное общество разбило ссохшуюся форму монархіи и объявило Россію свободной.

Но тутъ обнаружилось: буржуазное общество само оказалось ссыхающимся.

Сталь вскрывагься тогда иной, рожденный въ религиозномъ сознании народа смыслъ революціи. Для народа революція опредѣлилась, какъ сверженіе всѣхъ окостенѣвшихъ формъ жизни буржуазнаго общества. Необходимо народу сейчасъ же, сію же минуточку освободить русскаго Бога хранимаго въ русской душѣ и изгнать торгующихъ изъ храма. Вотъ сію же минуточку, сейчасъ же чтобъ не стало ни эллиновъ ни іудей, но „всяческая и во всѣхъ Христость“.

И когда буржуазное общество сорвало съ себя и съ Россіи кору омертвѣвшей монархіи—само буржуазное оказалось каменистой, кремнистой корою на народномъ сознаниі. Здѣсь начался процессъ кромсанія окаменѣлостей. Народъ, какъ дитя неразумное, сталь раскидывать вещи, ужъ почти до конца аккуратно разложенныя по нумерованнымъ полочкамъ.

И, какъ прежде монархія, умирая въ старческой дряхлости пыталась еще находить формы внѣшняго соответствія съ буржуазной общественностью, такъ теперь буржуазно-демократическое общество пыталось найти формы внѣшняго соответствія съ народнымъ сознаниемъ.

И началась—„перегруппировка силъ“.

Комитетъ Государственной Думы, первое министерство и почти тотчасъ послѣдовавшія второе, третье и т. д.—были лишь преждевременными попытками навить пробившійся потокъ сознания въ какое либо русло... для дальнѣйшаго образованія коры.

Но всѣ эти русла, рожденные буржуазно-демократическимъ обществомъ были мертвы уже въ самый моментъ ихъ рожденія и даже раньше и стихійный потокъ сознания не могъ быть въ нихъ вмѣщенъ. Нужны были новыя и новыя попытки установленія внѣшняго соответствія.

И ихъ—мы видѣли.

На нашихъ глазахъ протекалъ процессъ измѣненія предполагаемыхъ рамокъ. И на нашихъ глазахъ самый эгогъ процессъ отливанія въ отстоявшіяся формы условныхъ, буржуазно-демократическихъ понятій и штампованныхъ мнѣній. Запрыгали лозунги. Началась дикая пляска понятій и смысловъ, никогда не заключавшихъ въ себѣ живого смысла переживанія.

Мы видѣли, какъ умирали одна за другой попытки обнять необъятное.

И привели къ большевизму.

Что же такое большевизмъ? Что даетъ большевизмъ Россіи въ смыслѣ возможности оформленія русскаго религиозно-общиннаго сознания?

Большевизмъ представляется интереснымъ до чрезвычайности явленіемъ въ развитіи русской жизни. Большевизмъ есть моментъ скрещиванья всѣхъ путей развитія русскаго народа. Есть въ сущности глубочайшая разница между большевизмомъ совѣтскимъ и большевизмомъ, какъ онъ предстаётъ намъ въ народѣ.

И, собственно, большевизмъ совѣтской власти не есть большевизмъ, какъ явленіе специфически русское. Скорѣе опредѣлимъ онъ, какъ теоретическій максимализмъ на основѣ историческаго материализма, слѣдовательно—принятый нами съ Запада. И въ Россіи теоретическій максимализмъ, утверждающій на основаніи ученія Маркса буржуазность крестьянства, какъ социальнаго класса сталкивается въ себѣ самомъ съ положеніемъ: не буржуазнаго социальнаго класса быть не можетъ.

Ибо—общественно-классовая идеологія вырастаетъ на корнѣ индивидуальной воли къ владѣнію. Общественно-классовая идеологія есть сумма представленій общественнаго сознания направленнаго къ овладѣнію дѣйствительностью путемъ... разложенія по полочкамъ и установленія номенклатуры.

Съ этой то точки зрѣнія предстаётъ и рабочій намъ буржуазнымъ.

И съ паденіемъ признака, опредѣляющаго по Марксу динамику развитія культуры, передъ нами летитъ кувиркомъ и культура. И это паденіе классовыхъ признаковъ почувствовалось и знаменательно отразилось въ русской дѣйствительности—въ образованіи рабоче-крестьянскаго правительства.

Съ точки зрѣнія историческаго материализма рабоче-крестьянское правительство есть нелѣпость.

Но когда пробившійся потокъ народнаго сознания разрушаетъ основы буржуазно культурной общественности, раскидывая вещи такъ аккуратно разложенныя по полочкамъ—рабоче-крестьянское правительство, можетъ быть, есть вполне естественная попытка оформленія жизни, освобожденной отъ наростовъ?

Нѣтъ... Здѣсь то намъ и вскрывается неотвратимая, ужасающая нелѣпость самой идеи рабоче-крестьянскаго правительства.

Когда русская жизнь регулировалась монархическимъ правительствомъ и, казалось, протекала спокойно,—здѣсь не было все же оформленія народнаго религиозно-общиннаго сознания. Было здѣсь наложеніе стальныхъ щитовъ на народное сознание были здѣсь отложенія пластовъ буржуазно демократической классовой идеологіи на народномъ сознаниі; оформленья же не было.

Ибо столкнувшись въ самомъ себѣ съ принадлежностью рабочаго къ все тому же порядку явленій буржуазно-культурной общественности и найдя безсознательно формулу рабоче-крестьянскаго правительства, теоретическій максимализмъ встрѣчается внѣ себя съ неподдающимся оформленію въ рамкахъ нашей эпохи народнымъ религиозно-общиннымъ сознаниемъ.

Народъ воспринимаетъ дѣйствительность не въ стремленіи ея владѣть, но творя о ней мнѣ. И отлагаясь образомъ мнѣа въ сознаниі народа, вокругъ народа течетъ многообразіемъ ликовъ дѣйствительность.

Въ каждомъ кустикѣ—Богъ, въ каждой малой песчинѣ необъятное окіянь море. Касьянъ съ Красивой Мечи знаетъ природу, дѣйствительность лучше, полнѣе, нежели естественникъ въ тиши кабинета изучающій подъ микроскопомъ клѣточки каждой былинки.

И казалось бы, что народъ, непосредственно воспринимающій бытіе и дѣйствительность въ безсознательномъ стремленіи ощутить себя въ мірѣ и мірѣ въ себѣ, долженъ былъ бы найти живую плоть оформленія своего освобожденнаго сознания; казалось бы, что въ мнѣо—творчествѣ народной революціи должны были бы сами собой опредѣлиться подсказанныя пульсацией живого ритма плавно текуція формы жизни, изнутри освѣщенной солнцемъ вѣчнаго Бога.

Сіе и буди, буди!

Но сейчасъ, когда еще не изжиты омертвѣвшія условныя формы буржуазно-культурной общественности, мнѣо, сотворенный народомъ—не воплотимъ. Вмѣсто плавной текущести жизни, рожденной свободнымъ созна-

нием, намъ разметанъ кипящій потокъ подсознательныхъ импульсовъ и въ Мальстремѣ изодранныхъ въ клочья понятій и смысловъ, погибаетъ святая мечта о желанной свободѣ.

Изъ-за Прусской границы намъ кривится оскаломъ штыковъ и разверстою пастью орудій мертвенѣющей, стынущей, стеклянѣющей Западъ.

Россия повисла надъ бездной.

Въ чемъ спасеніе (а спасенія не можетъ не быть)—покажетъ намъ будущее.

Д. Л. Теплицкій.

Славяно-греко-латинская академія.

I.

Сочетаніе непонятныхъ словъ...

Славяно—

Стоитъ ли доказывать, что по части славяновѣдѣнія мы, т. е. русская интеллигенція, русское общество и русское общественное сознание,—очень слабы. Да что славяно,—у насъ отсутствуетъ даже знаніе России, отсутствуетъ самосознаніе. Стыдно сказать, но у насъ были только одинъ Историкъ—Соловьевъ, да и тотъ написалъ не исторію собственно, своими многотомными трудами онъ доказывалъ лишь, что мы вообще обладаемъ исторіей, что прощало России не есть сплошь безтолочь и полѣвость, а нѣкая также закономерность, переходъ отъ быта родового къ быту государственному. (NB. Это теперь всё отрицаютъ) самой русской исторіи Соловьевъ не написалъ и она такъ и осталась нѣкимъ ненаписанной. Поразительно какъ изъ года въ годъ скудѣетъ русская историческая наука, какъ дробятся темы ея изслѣдованія. «Рязанскій край» «Засѣчная черта»—можно думать, что это очень спеціальныя изслѣдованія. Отнюдь! спеціальности не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ общаго. Гдѣ нѣтъ исторіи, не можетъ быть историческихъ изслѣдованій. Россия совершенно непонятное слово и для иностранцевъ и для русскихъ и для профессоровъ русской исторіи. Бисмаркъ говорилъ, Россия это ничего.

Гречко...—

Не только непонятное, но и не могущее быть понятнымъ слово. Что такое «гречко»—этого никто понять не можетъ. Сие можно доказать съ достаточною строгостью. «Гречко»—трансцендентно всякому возможному современному культурному сознанию; какъ понять греческое? Въ какихъ понятіяхъ, какими идеями. Во всякомъ случаѣ не идеями современной культуры, единственной нынѣ существующей культурой. Все греческое разрываетъ наши а priori, наши руководящіе принципы. По отношенію къ греческому мы не въ глаза. Мы, русскіе, не понимаемъ—нечѣмъ понять, люди заграничные понять не могутъ, у нихъ идеи латинскія,—и латинское глубоко враждебно греческому. Это знаютъ на западѣ. Греческое для современнаго культурнаго человека опредѣляется какъ «не то», что именно не извѣстно и не можетъ быть извѣстно.

Латинская...

Это слово непонятное для насъ и только для насъ. Романскіе народы знаютъ криво и мучуче, что такое Римъ, римское, что такое латинское. Знаютъ это и нѣмцы, Момзенъ напр. знаетъ,—но конечно шпачо, чѣмъ напр. Фустьель-де Куланжъ—черезъ противоположность—знаніе противоположностей—одно и то же знаніе, говорить Аристотель. Мы же понять не можемъ. Мы—въ понятія. Намъ нужно «войти въ другой родъ» совершить логическую ошибку. Мы въ Римъ. Мы ему совершенно—исторически чужды. Римъ для насъ *Plutus vocis*.

Академія...

Тоже по своему непонятное слово, для насъ только для людей нынѣшнихъ. Знали до насъ, знаютъ другіе, будутъ знать. Но мы не знаемъ, не знаютъ и наши академіки.

Что такое академія, Платоновская, конечно?..

Ну какъ сказать? Ученый институтъ, ахъ не то слово, гдѣ преподавалась наука власти.—*Basilika tesmu*. Наука власти, властное знаніе—неужели современный интеллигентъ это пойметъ, кадетъ, меньшевикъ, эс-эрь, большевикъ? Шутите. Скорѣе для насъ это абсурдъ—деревянное желѣзо, *contradictio in adjecto*. Если знаніе, то не власть (интеллектуализмъ

разслабляетъ—аксіома), если власть, то не знаніе, не разумъ, а сила, насиліе «по кумполу»—(мы въдь волюнтаристы). Сознаемся, намъ непонятно, что такое академія.

И такъ всё слова непонятныя, каждое, конечно, по своему.

II.

И тѣмъ не менѣе...

Была существовала, не мнѣ славяно-греко-латинская академія.

Конецъ XVII. вѣка.

Все уже опредѣлилось. Старое летитъ верхнимъ концомъ внизъ. Не удержать.

Нудить стихія. Рефермы, реформы, реформы...

И поняли, что надо, гдѣ собака зарыта. Интуиціей что-ли? это удивительные люди 17 столѣтія, эти послѣдніе русскіе, передъ смертью поняли, свергнуло что-то въ черепахъ.

Да не вышло ничего. Запутались.

Такъ въ пустыняхъ, а запутались. Въ опреснокахъ... А любовались.

Знали русскіе прогрессисты передъ революціей, произведенной Петромъ, что всё ихъ понятія никуда не годятся, знали, основали новую школу, а рѣшиться до конца не могли.

Черносотенцами были русскіе прогрессисты, ретроградями.

Вотъ въ чемъ дѣло. Черносотенцами были эти благомыслящіе прогрессисты. *Comme chez nous*.

Ну и пошло. Помимо нихъ. Черезъ пень колоду. Цивилизація добытая кутомъ и плахой.

Фантазія на болотѣ.

«Они погибли отъ собственного неразумія», говорить Гомеръ.

III.

И нынѣ...

Та же проблема:

Славяно-греко-латинская академія!

Школа нужна! Знать нужно! Сѣры больно.

Нужно знать, что такое славянство, что такое русская исторія, культурная дѣятельность есть дѣятельность, вытекающая изъ самосознанія. Въдь это очевидно. Прежде, чѣмъ рѣшить міровые вопросы нужно изучить славянскую грамматику.

И грамматику греческую...

Вѣдь мы же являемся величайшими наследниками величайшей культуры, единственной, эллипсической. Намъ, только намъ передано это сокровище, эти нѣмны орфеи, выводящая души изъ ада,—безъ посредниковъ. Православіе. Камни, деревья слушали ихъ.

Но мы «лѣнны и полюбощны»...

Вѣдь себя живемъ мы—влечемъ и тѣшимъ тѣлоподобнымъ существованіемъ. Мы не послѣдуемъ за Орфеемъ. Мы—въ аду добровольно.

И грамматику латинскую.

Обязательно...

Вѣдь мы варвары, хотя и послѣдники.

У насъ рядомъ всегда: православный храмъ и кружало.

Намъ нужна выучка.

Намъ нужно стать «гуманистами». Греки ими не были, они были гегельны, природа и культура сочеталась у нихъ гармонично.

Намъ же нужно прочесть Цицерона *Pro Archia* poeta. Необходимо комментированное изданіе.

И тогда можетъ быть возникнетъ, сверкнетъ образъ властного знанія.

Академія...

Только тогда. Сладутъ цѣпи. Перестанемъ мы быть рабами, вести рабскій образъ жизни.

Преодоленъ будетъ шагъ адъ, добровольный.

Таковъ единственно спасительный путь.

Его знали въ 17 вѣкѣ, но не рѣшились.

Рѣшимся ли мы?

IV.

— Но послушайте, скажутъ мнѣ, что вы предлагаете. Грамматика? Въдь это смѣшно? Да къ тому же вы сами говорили, что понять эти слова невозможно, кто же будетъ учить невозможному.

— Ахъ, друзья мои, неужели вы не знаете, что дѣйствительное есть всегда невозможное.

Какъ вамъ объяснить...

А. К. Топорковъ.

К. Бальмонтъ.

ЖРЕБИЙ.

Сочти мнѣ, надолго-ли солнце на небѣ,
И туча изъ сколькихъ росинокъ повисла,
Сочтя, сопоставь и помножь эти числа,
Тогда изъяснишь мой единственный жребій.

И нѣтъ, еще мало. Сочти всѣ уклоны
Высотъ Гималайскихъ и горъ позабытыхъ,
Разслышь и запомни всѣ бывшіе звоны
Цвѣтовъ благодатныхъ и травъ ядовитыхъ.

Узнай, почему златокудрая Ева
Надъ Библией красной горитъ изумрудно,
И сколько столѣтій плясало налѣво
И сколько направо, сочти, такъ нетрудно.

И, травки собравши со всѣхъ придорожій,
Сплети и до звѣздъ ихъ добрось ароматно,
Тогда тебѣ будетъ отчасти понятно,
Откуда такой я, на всѣхъ непохожій.

К. Бальмонтъ.

Валерій Брюсовъ.

ВЕЧЕРЪ.

Поэма Эмиля Верхарна.

Надъ желчью и гангренами болотъ,
Сердца пронзенныхъ звѣздъ роняютъ кровь съ
высотъ,

Даль черная, и черный лѣсъ,
И въ безнадежности небесъ
Скитанья облаковъ, другъ друга
Тѣснящихъ съ Сѣвера до Юга.

Мой взоръ усталый побѣжденъ;
Его мечты поблекли; онъ
Уходитъ, скорбенъ и униженъ,
Въ край жалкихъ кровель, скудныхъ хижинъ;

Свинцовый край, гдѣ смрадный стокъ
Зловоненъ, длиненъ и глубокъ,
Гдѣ пѣсни тошноты повисли
Надъ трупами погибшихъ мыслей;

Гдѣ ненависти грязный илъ
Воспоминанья затопилъ;
Край костоѣдъ, край прокаженныхъ,
Гдѣ Смерть къ обѣднѣ кличетъ сонныхъ,

Звонитъ къ вечернѣ, бьетъ въ набать,
Таясь во глуби темныхъ вратъ
Подъ колокольной въ дымной гущѣ
Огромнымъ мертвецомъ встающей;

Чье сердце такъ въ крови? — Мое!
Его насквозь прошло копье;
Надъ желчью и гангреной водъ
Оно — въ крови, звѣзда высотъ!

Валерій Брюсовъ.

Вячеславъ Ивановъ.

**

Звѣзды блещутъ надъ прудами.
Что свѣтиламъ до озеръ?
Но плетется подъ звѣздами
По водѣ живой узоръ.

Зрящихъ силъ въ незрячій омутъ
Досягаютъ копія.
Такъ тревожатъ духи дрему
Безсознательнаго я.

ПЕЩЕРА.

Тайновидѣнье и вѣра
Говорятъ душѣ равно:
Небо звѣздное — пещера,
Матерь Божія—оно.

Горняя довлѣетъ мѣра
Нѣдръ земныхъ измѣрить дно,—
Говорятъ, душѣ равно
Тайновидѣнье и вѣра:
Вифлеемская пещера,
Гефсиманскій гробъ — одно.

Скуй послѣднее звено:
Какъ небесъ ночная сфера,
Темень гробъ, гдѣ спитъ зерно...
И въ душѣ твоей — темно.
И душа твоя — пещера.

Вячеславъ Ивановъ.

Юсифъ Куницъ.

СТАРИКЪ.

Раствѣннымъ ужасомъ дышалъ
И пронизалъ—Безликій Ликъ—
Потокомъ—токомъ тонкихъ жалъ—
Развалъ разъятыхъ стѣнъ. Старикъ,

Мерцающа выгнившихъ глазницъ
Проваломъ старымъ, смертно алымъ,
Въ огняхъ дверяхъ Ночныхъ Больницъ
Мелькалъ развитымъ покрываломъ;
И—дѣвственный и юный Ликъ,
Спаливши клокомъ багреца,
Окрасилъ въ страстный сердоликъ
Онъ похотливаго лица.

Тамъ: заметавшись въ вихряхъ, кони
Сѣдымъ порывомъ прорывались
И гривами на небосклонѣ
И застывали, и скрывались;

Прахъ проносился надо мной,
Напомявая, намекая
Своею пеленой сквозной,—
Знакомою... и не дыша я

Стоялъ... (а въ онѣмѣльныхъ сферахъ
Всѣ пролеталъ Старикъ-Скиталець)...
Ломалъ—перчатокъ блѣдно-сѣрыхъ
Испуганно торчащій палець!

Мая 1917.

II.

КЪ НЕЙ—ФИГУРЪ ЗЕМЛИ.

Какъ голая Земля,—забывъ!—
Забулькала въ болотѣ стиломъ,
Надъ тѣнью потемнѣвшихъ ивъ,
Покрывъ ихъ холодомъ и иломъ!

Ушелъ простывшій небосклонъ;
Уснули мятежи стремленья.
Надъ твердью—позабытый сонъ
И прогрозившій шелестъ тлѣнья.

О, вѣтеръ,—въ бѣгѣ крестъ возставъ
Изъ ледяныхъ, упорныхъ линий!
Въ предсмертномъ жестѣ смерти явь,
Какъ стонъ, исторгни изъ богини!

Заледени гнилую кровь!
Извѣтри вѣтренность Венеры,
Извѣренной въ мірскую новь
Людской молвою мысли сѣрой!

R O S E.

Прекрасныхъ тѣлъ
Клубится розовый туманъ.

Прошелестѣлъ
Фонтаномъ красныхъ ранъ—
И таетъ...

Надъ склономъ горъ
Повисъ — д у ш и с т ы й — ароматъ.

И розы взоръ
Холодный, темный скатъ
Ласкаетъ.

Январь 1918.

* * *

Неба нѣтъ.
Звѣздочкой вспуыхнула Свѣтъ...
Мигъ милъ.

Волнь прибой.
Лодочкой мѣсяцъ мой
Поплылъ...

Февраль 1918.

Иосифъ Кунинъ.

Д. Теплицкій.

КРЕСТЪ ВЪ БИРЮЗЪ.

Переметную пыль прометнулъ по полямъ
Тихій вѣтеръ, холодный;
По болотамъ, — вонъ тамъ
Холодокъ прометнулся болотный...

Мѣдный крестъ позолотой сверкнулъ
И повисъ—
Въ застеклѣвшую твердь
застеклѣвшимъ заклѣтьемъ:—
О, вернись!
...О застывшемъ въ туманѣ столѣтій распятыи...

Колоколь гулкій,
Звонъ:—
Мѣди стонъ
Вонзился огненнымъ жаломъ,
Взметнулъ,—какъ и прежде—
протемнѣвшій покровъ,
Продышалъ обветшалымъ,
Стариннымъ повѣрьемъ
въ прохладу луговъ...

Августъ 1917.

В Ъ С К И Т У.

Святой — во тѣмѣ вѣковъ—
Святой застылъ печалью,
Застылъ святой тоской
Въ лѣсахъ забытый скитъ;

Повисъ,—стариннымъ сномъ
Повисъ надъ сонной далью
И въ сталь сѣдыхъ небесъ
Забытый свѣтъ струить.

Но тяжкій, тяжкій токъ,
Потокъ вѣковъ холодный
Взметнулъ метельный вихрь
Надъ чашею Христа...

Въ просторъ родныхъ полей
Моей страны безплодной
Простерлась грустныхъ зимъ
Снѣговая фата.

И тихій рядъ святыхъ,
Завороженныхъ келій
Въ тяжелой тѣмѣ годинъ
Таинственно молчить...

Застылъ—стариннымъ сномъ
Застылъ средь старыхъ елей
И вѣтъ свѣтомъ въ твердь—
Въ вѣкахъ забытый скитъ.

Сентябрь 1917.

Д. Теплицкій.

Музыка для народа.

Въ послѣднее время въ печати неоднократно появляются статьи и замѣтки различныхъ авторовъ, трактующія вопросы демократизаціи искусство вообще и музыки въ частности. Какихъ тутъ только нѣтъ плановъ и проектовъ развитія художественно-эстетическихъ потребностей народныхъ массъ, прочимъ зачастую народъ понимается, какъ интеллектъ низшаго порядка, требующій особыхъ подходовъ и способовъ воспитанія, вродѣ метода обученія отсталыхъ или глухонѣмыхъ.

Одни полагаютъ, что демократизацію искусствъ можно провести механическимъ путемъ — т. е. безразлично какого направленія искусство демонстрируется, лишь бы оно было доступно болѣе многочисленному контингенту слушателей. Слѣдовательно, если скажемъ, Вагнера слушаетъ не прежній ограниченный кругъ доселѣ приобщавшихся искусству, а болѣе обширная аудитория, тѣмъ самымъ искусство Вагнера становится, якобы, доступнымъ воспріятію народныхъ массъ. Другіе полагаютъ демократизировать искусство путемъ внесенія въ программу произведеній авторовъ исключительно послѣдней формации, принадлежащихъ къ крайней лѣвой современнаго искусства, полагая, что демократическія массы болѣе способны воспріятію новѣйшихъ формъ въ искусствѣ, воспринимать которыя въ большой мѣрѣ, мѣшаегъ всѣмъ инымъ классамъ такъ называемый балластъ буржуазной культуры, наконецъ, третьи рѣшительно дѣлать искусство на специфически народныя и по-видимому на народныя — т. е. „буржуазныя“. Представители этого мнѣнія предполагаютъ, что народъ самъ, отбросивъ всякую преемственность и связь со старой ложной буржуазной культурой, создастъ свои новыя формы, отвѣчающія его демократическому міросозерцанію.

Если утвержденіе о механическихъ возможностяхъ эстетическаго воспитанія массъ не подлежитъ никакой критикѣ — вслѣдствіе явной наивности самой своей основы, то болѣе значительнымъ представляется для насъ вопросъ о возможностяхъ эстетическаго воспріятія наиболѣе сложныхъ достижений. Можно согласиться что балластъ общепринятаго музыкальнаго воспитанія до нѣкоторой степени дѣйствительно мѣшаетъ непосредственному воспріятію болѣе утонченныхъ формъ „лѣвой“ группы художниковъ, но въ то же время надо признать, что искусство воспріятія не есть органическая способность дѣятельнаго человѣческаго аппарата. Можно почти утверждать, что большая часть посѣщающихъ концерты такъ же мало подготовлена и такъ же мало способна охватить истинную сущность искусства, какъ и тѣ, которые ихъ вовсе не посѣщали.

Совсѣмъ не нова мысль о томъ, что созерцающій или слушающій совершаетъ тотъ же путь творчества, что и самъ творчій произведеніе искусства. Различіе между ними будетъ только въ отправныхъ пунктахъ — если для творца путь творчества пройдетъ отъ художественнаго замысла къ созданной формѣ, слушатель продѣлываетъ путь обратный, т. е. отъ созданнаго къ первоначальному замыслу. Этотъ почти непреложный законъ говоритъ о необходимости развитой техники воспріятія; раздающіеся возгласы „мнѣ это непонятно“ — въ переводѣ значутъ „мнѣ технически трудно это воспринять“, т. к. искусство вообще не можетъ быть понятнымъ или непонятнымъ.

По-видимому, учитывая это положеніе авторы третьяго мнѣнія и дѣлать музыку и вообще искусство на категоріи народныхъ и ненародныхъ, разумѣя подъ народной музыкой такую, авторами которой являются творцы изъ народа. Но такъ какъ народъ еще до сихъ поръ не создалъ новыхъ формъ въ искусствѣ, и неизвѣстно насколько длителенъ будетъ этотъ періодъ выявленія его творческихъ способностей, то ему предлагается спеціально подлаженная и болѣе общедоступная для неизращеннаго вкуса музыка.

Если „народная“ музыка эта такая, которая „достаточно“ для воспріятія народныхъ массъ, то это говорить о томъ, что народной музыкѣ предлагается рав-

неніе по неуспѣвающимъ или слабо успѣвающимъ. Мы полагаемъ, что музыка для народа и самъ народъ достойны большаго, чѣмъ неприхотливое приспособленіе къ случайному спросу или любительству.

Прежде всего, не существуетъ, намъ кажется, музыки „для народа“ и для другихъ классовъ, существуетъ музыка дурная и хорошая. И сложность вопроса въ томъ и заключается, чтобы *хорошую* музыку дать возможность воспринять, а народныя массы къ этому воспріятію *воспитать*. И вотъ процессъ воспитанія, достаточно длительный и сложный, долженъ являться главной заботой лицъ, стремящихся къ демократизаціи искусства.

Намѣчается нѣсколько возможностей. Главнѣйшими изъ нихъ являются, намъ казалось бы, насажденіе музыкальнаго образованія въ низшихъ и городскихъ школахъ въ видѣ сольфеджіо, гармоніи, разумно поставленнаго хорового пѣнія, м. б. даже ритмической гимнастики, и т. п., а также вообще развитіе зрѣлищныхъ спектаклей, (театръ, передвижныя выставки, лекціи объ искусствѣ съ музыкальными демонстраціями).

Требуетъ также кореннаго пересмотра существующій методъ преподаванія, преслѣдующій такъ называемый „постепенно классическій“ способъ развитія учащихся, способъ, который надолго, а многихъ навсегда лишаетъ возможности къ творчеству изнутри, нѣкоторой, хотя бы и ученической смѣлости, и не будируетъ творческихъ способностей, заложенныхъ отъ природы.

Влобще, если формулировать необходимость демократизировать искусство путемъ воспитанія техники воспріятія, то весь вопросъ сводится къ логикѣ воспитательныхъ приѣмовъ. Самое важное признать то, что приспособленіе неприхотливой музыки не дѣлаетъ ее народной, такъ же какъ и пропаганда послѣднихъ достижений въ музыкальномъ искусствѣ мало пригодна для развитія народа, и что если вопросъ о поднятій музыкальнаго вкуса и эстетическихъ потребностей есть фактъ большой важности и необходимости, то слѣдуетъ признать, что налицо появляется и соответствующее требованіе пересмотрѣть существующіе методы воспитанія, одинаково непригодныя и для интеллигентныхъ круговъ, и найти пути методологически правильные и органически связанные съ самой культурой музыки — существованія ея формъ и законовъ ея воспріятія и запечатлѣнія въ эстетически неподготовленныхъ слушателяхъ широкихъ народныхъ массъ.

Гр. Крейнъ.

Исканія театра.

Помните ли вы легенду про Гордіевъ узелъ?

Царь Фригіи Гордій пожертвовалъ въ храмъ Зевса свою колесницу и у дышла ея завязалъ узелъ прозванный Гордіевымъ.

Онъ былъ настолько запутанъ, что никто не могъ развязать его.

Его можно было только разрубить.

Легенда эта вспыхиваетъ яркимъ свѣтомъ всякій разъ, когда пытаешься отыскать прообразъ театра въ томъ уродливомъ организмѣ, который носитъ теперь это имя.

Время, особенно современность, запутала вокругъ театра такой замысловатый узелъ, что невольно тоскуешь иногда о мечтѣ Александра Македонскаго.

Ибо развѣ то, что извѣстно нынѣ подъ именемъ театра имѣетъ право называться такъ?

И не оскорбленіе ли Имени Его, эти скучныя полусонныя залы, эти трактаты въ лицахъ на сценѣ, эти инсценированные „дневники происшествій“, эти дымящіеся самовары, отъ которыхъ пахнетъ гарью, эти амфилады комнатъ сквозь которыя словно доносится запахъ кухни и шей?

Или эти честные прилизанные спектакли, въ которыхъ все такъ „эстетно“ и стильно, совсѣмъ „подъ Мольера“ совсѣмъ подъ Шекспира, гдѣ реставраціон-

няя бирюльки плаваютъ какъ въ маслѣ въ романтичскомъ киселѣ.

И вспоминаешь истоки театра.

Вспоминаешь Индію, гдѣ на зарѣ міра самъ Кришна, богъ вселенной, былъ первымъ учителемъ театральнаго дѣйства, гдѣ стать актеромъ было пожалуй труднѣе, чѣмъ царемъ

Вспоминаешь Элладу, гдѣ театръ былъ подлинной радостью и праздникомъ и гдѣ, не могло быть Айхенвальдовъ, пророчащихъ смерть ему.

Вспоминаешь дѣйственную сущность театра, вспоминаешь примитивный переводъ: комедія—шумная процессія, трагедія—пѣснь козловъ.

Вспоминаешь „телѣгу Эспиды“ итальянскую „комедію масокъ“, римскую пантомину.

Вспоминаешь что было вѣдь время, когда театръ былъ самоцѣль и державень, когда творчество его было первично и независѣло ни отъ литературы, ни отъ живописи; когда актеръ былъ мастеромъ своего искусства, а не граммофонной пластинкой, напѣвающей чужіе мотивы и слова.

Вспоминаешь—и черное знамя рѣветъ передъ глазами и кажется, что необходимо зажечь современный театръ, чтобы какъ Фениксъ изъ пепла возродился онъ къ новой жизни.

Но минуты упадка смѣняются періодами подъема и надеждъ, усиленной творческой работы и воли найти выходъ развязать узелъ, обрѣсти дорогу.

И тогда забываешь о мечѣ Александра Великаго и взявъ Диогеновъ фонарь снова и снова идешь на поиски. Исканія театра!

Подъ этимъ лозунгомъ мы доживаемъ уже второе десятилѣтіе.

Театръ его, подлинное единое существо, его тѣло, его ядро обросло теперь такой корой, облеклось въ такую толщу, ненужныхъ и мѣшающихъ одеждъ, что для того, чтобы обнажить его и выявить, надо чтобы легендарный фонарь Диогена зажегся рентгеновскими X—лучами.

И раньше всего два покрова, двѣ вериги надо содрать съ его усталыхъ плечъ, отъ двухъ плѣненій надо освободить его душу.

Это плѣненіе литературой и живописью.

Плѣненіе литературой явилось результатомъ театра реалистическаго, „театра переживаній; плѣненіе живописью—результатомъ театра условнаго театра представленія“.

Театръ реалистическій содралъ Театръ съ его кофурнъ, сорвалъ съ лица его маску, разбилъ его бубенцы отбросилъ въ сторону его козлиную шкуру.

Жизнь—богатъ этого театра.

Не искусство а безъискусственность, не пафосъ—а искренность—таковы его задачи.

„Переживанія“—его цѣль.

Ему не нужно мастерство актера, онъ игнорируетъ форму, онъ отрицаетъ технику.

Искренность переживаній—вотъ основа всего.

Такъ ли это?

Конечно нѣтъ.

Развѣ „переживаніе“, о.

одинъ изъ элементовъ театра, м..... себъ здать театръ.

Безусловно нѣтъ.

Прослѣдимъ хотя бы бой быковъ.

На аренѣ гладиаторъ. Онъ раненъ, падаетъ. Наступаютъ его послѣднія минуты.

Кто усомнится въ искренности его переживаній?

Кто станетъ отрицать ихъ заразительность?

И все же никто нестанетъ утверждать, что искренно умирающій гладиаторъ идеальный актеръ.

Ибо предѣльная искренность, корни которой перепутаны съ корнями жизни, всегда будетъ чуждой искусству.

Искусство не мыслимо внѣ формы, ибо только черезъ нее оно и становится видимымъ.

А предѣльная искренность, ломая всякую форму неизбежно уничтожаетъ искусство.

Поэтому переживаніе, какъ бы искренно оно не было, само по себѣ не есть еще искусство.

Оно становится имъ, будучи отлито въ законную, ему только свойственную форму.

Въ сферѣ театра, матеріаломъ, при помощи котораго эмоція актера отливается въ ту или иную форму, является тѣло актера.

Собственное тѣло (понимая это слово въ самомъ широкомъ его смыслѣ)—вотъ тотъ единственный инструментъ, при помощи котораго долженъ творить свое искусство подлинный актеръ.

И если даже пианисту съ его неподвижнымъ мертвымъ инструментомъ нужны годы, чтобы научиться владѣть имъ, то сколько же неустанной работы нужно актеру, чтобы овладѣть своимъ инструментомъ—самымъ сложнымъ не покорнымъ и, главное, живымъ.

Созданіе настоящей актерской техники—такъва несомнѣнно одна изъ главныхъ задачъ современнаго театра.

Задача тѣмъ болѣе важная, что еще до сихъ поръ не умеръ парадоксъ, будто для артиста сцены нуженъ талантъ и только.

Когда говорятъ такъ, миѣ всегда невольно вспоминается двѣ прекрасныя артистки въ области танца, ни одной изъ которыхъ, нельзя отказать въ большомъ талантѣ: Дунканъ и Павлова.

Онѣ обѣ прекрасны, и все же: если бы Дунканъ, проникнувшись искусствомъ Павловой, захотѣла танцевать такъ какъ она—то, увы, не смогла бы. И наоборотъ, если бы Павлова, проникнувшись искусствомъ Дунканъ, захотѣла бы повторить ея танцы, она несомнѣнно сдѣлала бы это съ большой легкостью и красотой.

И это было бы не по тому, что Павлова талантливѣе Дунканъ. Но Павлова такъ виртуозно владѣетъ техникой своего искусства; ея инструментъ—ея тѣло такъ ей послушно, что Павловой нужно только захотѣть, чтобы сдѣлать.

А у современныхъ актеровъ, особенно актеровъ драмы, всѣ лучшія хотѣнія роковымъ образомъ разбиваются о полную беспомощность ихъ техническихъ возможностей.

Не владѣніе формой—вотъ ужасная болѣзнь нашего театра.

Въ ней причина всѣхъ неудачъ, постигающихъ его лишь только онъ берется за трагедію, либо вообще за пьесы, въ которыхъ жизнь героевъ протекаетъ въ иной плоскости чѣмъ наша.

По этѣ же причинѣ современному театру болѣе или менѣе чужды лишь пьесы нашихъ будней, пьесы нашего ежедневнаго прозябанія. Здѣсь, гдѣ Иванову и Ивановымъ, а Екатеринѣ-Екатериной, здѣсь, дену актеръ выходитъ въ томъ же „халагѣ“, галъ сейчасъ альфой и омегой не только науки, но и нѣкоторыхъ эстетическихъ теорій, владѣніе формой своего искусства часто смѣняется съ потерей формы самой жизни и провозглашается какъ высшее достиженіе искусства.

И, быть можетъ, въ этомъ наибольшая опасность для театра, ибо, когда болѣзнь названа, ее можно лечить, когда же она скрыта, то проходятъ годы раньше, чѣмъ удастся ее обнаружить.

И поэтому актеръ нашъ въ большинствѣ до сихъ поръ диллетантъ, похожій на балалайку, на трехъ струнной которой можно выграть лишь „чижика“, въ то время когда онъ могъ бы владѣть самымъ совершеннымъ прекраснымъ инструментомъ въ мірѣ.

пленное замираніе жеста въ современномъ театре. Ю. Слонимская въ своей прекрасной

статьё о пантомимѣ, и связанное съ этимъ омертвѣніе эмоці создало разобщенность между сценой и зрителемъ.

Современные люди затушили подлинный жестъ... и жестъ эмоциональный замѣнили лишь необходимымъ житейскимъ жестомъ... Житейское неумѣніе говорить своимъ тѣломъ цѣликомъ перенеслось на сцену... Пластическое косноязычіе вошло въ обиходъ современной сцены.

Она стало почти теоріей актера, ищущаго оправданія въ „характерности“ своего жеста, въ его бытовой вѣрности. Жестъ умеръ и пока онъ не возродится, не мыслимо и возрожденіе театра.

Поэтому, созданіе истинной школы сейчасъ становится абсолютной необходимостью.

И мнѣ думается, что и въ драматическую школу подобно балетной, надо принимать дѣтей, и что только при этомъ условіи можно будетъ добиться современемъ, подлинной актерской техники.

Лучшіе изъ нихъ будутъ становиться „героями“, остальные же составятъ „corps de drama“ не менѣе необходимый драматическому театру, чѣмъ corps de ballet—балетному.

Говоря такъ долго о жестѣ и формѣ, я въ сущности, подошелъ уже ко второму изъ принятыхъ теперь подраздѣленій—театру представленія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Таировъ.

Издательство
„РОССІЯ“.

Редакція:

И. В. Куницъ.
Б. В. Михайловскій.
Д. Л. Теплицкій.

Принимается подписка на журналъ

РОССІЯ

независимый органъ, посвященный вопросамъ философіи культуры, религіи, общественной эстетики, литературы и искусства.

Постоянно участвуютъ:

Ю. Айхенвальдъ, Ю. Балтрушайтисъ, К. Бальмонтъ, Валерій Брюсовъ, Н. Я. Брюсова, Андрей Бѣлый, о. Востоковъ, Сергѣй Герзонъ, В. А. Гершовъ, Вячесл. Ивановъ, А. Крейнъ, Іосифъ Куницъ, Б. В. Михайловскій, Ю. Э. Озаровскій, Г. А. Рачинскій, М. И. Сизовъ, Ю. Сахановскій, Вѣра Станевичъ Ф. А. Степунъ, М. Струговъ, А. Я. Таировъ, Д. Л. Теплицкій, А. К. Тарковъ, Я. А. Тугендхольдъ, Владимиръ Ф. Г. Г. Шпетъ.

Временно выход...

...мѣсяць

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На 1 годъ—24 р., на полгода—14 р.
на 3 мѣс.— 7 р.

Редакція и контора: М. Чернышевскій пер. д. 9. кв. 8. Телефонъ 3-49-16.